

**СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА
АНТИБОЛЬШЕВИСТСКИХ
ПРАВИТЕЛЬСТВ
НА ВОСТОКЕ РОССИИ:**

ИДЕОЛОГИЯ, ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО, ПРАКТИКА
(июнь 1918 – октябрь 1922)

Введение

Помимо вооруженной борьбы любая война — это тяжелейшее социальное бедствие. Создание армии связано с мобилизацией населения и адаптацией семей призванных к новым для них условиям. Движение фронтов всегда ведет к массовым вынужденным миграциям населения в рамках организованных эвакуаций и стихийного бегства. Резко возрастает количество людей, нуждающихся в медицинской и социальной помощи, не способных к выживанию самостоятельно. Войны сопровождаются экономическими кризисами, значительным падением уровня жизни большинства людей, что обостряет тлеющие в обществе социальные конфликты и зажигает новые. Состояние вооруженного конфликта не просто активизирует государственное участие в жизни общества, оно актуализирует именно социальные функции государства. В то же время война отнимает у государства столь необходимые ресурсы, требует их концентрации в первую очередь на военные нужды. Данное онтологическое противоречие расширяет и усложняет социальную политику государства в условиях войны, заставляет маневрировать в поисках выхода. Таково положение любого воюющего государства, независимо от его идейного облика и политической природы, независимо от изучаемой эпохи. Анализ путей преодоления названного противоречия государством и обществом составляет фундаментальную научную проблему.

Еще античные авторы отметили, что гражданские войны есть наихудший вид вооруженного конфликта. Демокрит охарактеризовал их как «великое бедствие и для той, и для другой стороны, ибо и для победителей, и для побежденных она одинаково гибельна»¹. Очевидно, что древнегреческий философ имел в виду не только человеческие жертвы, но и неисчислимые материальные и моральные издержки кровавого конфликта соотечественников. Именно на этот последний аспект указал и римский историк Тацит, писавший, что гражданскую войну невозможно «ни подготовить, ни

¹ Античные философы (свидетельства, фрагменты и тексты) / сост. А. А. Аветисян. Киев, 1955. С. 108.

провести, соблюдая добрые нравы»¹. Войны за защиту своего отечества объединяют и возвышают общество. Войны гражданские множат пороки, разъедавая социум изнутри. Между тем каждый десятый вооруженный конфликт в мировой истории имел характер гражданской войны, а всего их мировые анналы насчитывают почти полторы тысячи. Крупнейшие из них зияют глубокой и подолгу незаживающей раной в национальных историях многих государств.

Неслучайно в истории России Гражданская война, вызванная революцией 1917 г., занимает особое место. Установление власти большевиков сопровождалось многолетней и жестокой вооруженной борьбой между сторонниками и противниками осуществления в стране социалистического эксперимента. Огромное большинство населения оказалось втянуто в нее вопреки своей воле. Борьба не сводилась только к вооруженному противоборству сторон. Гражданская война — это также конфликт политических сил, идеологий, социальных групп и экономических интересов.

Гражданская война в России оказалась не только следствием, но и прямым продолжением Первой мировой, которая справедливо считается во многих отношениях эпохальным вооруженным конфликтом². Причина сводится не только к беспрецедентному масштабу, хотя именно он привел к перерождению отношений воюющих государств и обществ в новое качество. Накануне войны родилось международное гуманитарное право, предполагавшее обязательность для участников социально-гуманного отношения к населению как собственных, так и завоеванных территорий и к пленникам. Оно предусмотрело необходимость системной реабилитации общества от последствий гуманитарных катастроф. Одновременно, еще готовясь к войне, большинство государств выработало комплекс мер манипуляции населением в целях достижения победы. Именно это обстоятельство позволило американскому историку П. Холквисту расширить впервые использованное Э. Людендорфом понятие «тотальная война», описывая реализацию некоторых ее форм с помощью термина «политика населения»³. Политика населения подразумевает не только изощренные методы контроля над общественной жизнью и идейного воздействия на население, но и более широкий круг мер социального управления, включая трудовые мобилизации, плановые миграции, целенаправленную стратификацию населения, формирование имиджа социальных героев и изгоев через систему социаль-

¹ *Тацит К.* Сочинения: в 2 т. Л., 1969. Т. 1: Анналы. Малые произведения. С. 12.

² См.: *Санборн Дж.* Великая война и деколонизация Российской империи. СПб., 2021.

³ *Холквист П.* Тотальная мобилизация и политика населения: российская катастрофа (1914–1921) в европейском контексте // Россия и Первая мировая война: материалы междунар. науч. colloquiuma. СПб., 1999. С. 83–101; *Холквист П.* Вычислить, изъять и истребить: статистика и политика населения в последние годы царской империи и Советской России // Государство наций: империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина. М., 2011. С. 139–179.

ных поощрений или деприваций. К данному выводу П. Холквиста привел в том числе и опыт изучения российского общества в условиях Гражданской войны¹. Но он не одинок в своих выводах. Еще Карл Мангейм в конце 1940-х гг. писал о складывании под влиянием вооруженных конфликтов (имея в виду, прежде всего, Первую мировую войну) новых технологий социального управления обществом и планирования его развития, по сути дела, нового типа социальной политики².

Россия в годы Гражданской войны надолго оказалась в условиях не просто распада единой государственности, но и в силу этого — резкого сокращения возможностей правительственного аппарата воздействовать на население и управлять им. Это было время, когда в политическом сознании управляющих уже созрели новые представления о социальном манипулировании, но условия для их внедрения в практику были крайне ограничены.

Благодаря существованию историографического концепта «военный коммунизм», указанная проблематика активно разрабатывалась применительно к лагерю победителей в Гражданской войне. «Военный коммунизм» воспринимался как комплекс мер не только сугубо экономической, но и социальной политики. Формирование Советским государством целесообразной с точки зрения политического режима иерархии общества и трудовых отношений всегда было объектом анализа исторической науки. Ничего подобного не изучалось в отношении противоположного лагеря, которому в принципе долгое время отказывалось в возможности осуществления осознанной социальной политики. Но и концепция «военный коммунизм» не охватывала всей совокупности мер Советского государства по социальному управлению и конструированию и преодолению социальной катастрофы. Поэтому пенсионная система, здравоохранение, социальное обеспечение в первые годы советской власти оставались на периферии изучения. Аналогичные меры в антибольшевистском лагере вообще практически полностью выпали из поля зрения советских исследователей, исключавших возможность проявления заботы о социальных потребностях населения со стороны «антинародных» политических режимов, а в постсоветский период так и не заняли должного места. Целесообразность обращения к проблемам социальной политики в условиях Гражданской войны очевидна, и наиболее емко это можно сделать в рамках ее системного изучения в антибольшевистском лагере.

Казалось бы, социальная политика — удел стабильных государств. В западной, а в последнее десятилетие и в российской общественной мысли сло-

¹ *Holquest P.* Making War, Forging Revolution: Russian's Continuum of Crisis 1914–1921. Harvard University Press, 2002.

² *Мангейм К.* Диагноз нашего времени: очерки военного времени, написанные социологом. М., 1992. С. 31–65.

жилося серьезное направление, связанное с анализом социальной политики государства. Отличительной особенностью существующей научной литературы является ее нацеленность на выявление социальной роли государства в стабильной, растущей экономике. Это объяснимо — основные положения данной исследовательской парадигмы выкристаллизовывались во второй половине XX в. на Западе, не знакомом с глубокими кризисами. И лишь трансформация государств постсоветского пространства в конце 1980-х — начале 1990-х гг., сопровождавшаяся почти двукратным спадом производства и распадом системы социальных гарантий, поставила на повестку дня острые вопросы. Объективный ли это процесс или вина за социальные издержки лежит на руководстве, проигнорировавшем свои прямые обязанности? Кто несет ответственность за социальные последствия мировых катаклизмов: государство или народ? Оценка случившегося в общественном сознании и в общественных науках остается далеко не однозначной. Кризис в сфере экономики всегда влечет за собой трансформацию социальной политики государства, в полной мере еще не осознанную и не описанную. Чтобы понять механизмы этой трансформации, обнажить границу между имманентной социальной функцией государства и тем, что привносится эпохой стабильности, целесообразно рассмотреть ситуации обостренной до предела социальной катастрофы.

Революционная эпоха в России чрезвычайно благоприятна для исследования. Ее примеры ценны для социальной теории. Присутствие в относительно схожих ситуациях альтернативных линий проведения социальной политики — благоприятное поле для изучения. Советский вариант политики всегда привлекал пристальное внимание исследователей — и апологетов, и критиков — тем, что был воплощением доктринального опыта. Пример противников большевизма не менее актуален. Испытывая на себе влияние эсеровской и кадетской социально-политических доктрин, политики антибольшевистского лагеря оставались далекими от стремления воплотить в жизнь глобальный социально-утопический эксперимент. Необычными оказались лишь условия масштабной социальной катастрофы, в которой оказалось общество и государство. Опыт оппонентов советской власти интересен именно этим. Его изучение не просто заполнит еще одну лауну в российской истории, а позволит на конкретном материале рассмотреть механизмы трансформации социальной политики государства под влиянием социально-политической и экономической катастрофы.

Таким образом, анализ социальной политики антибольшевистских режимов позволит поставить в фокус исследования три важнейших, актуальных и научно значимых проблемы:

Во-первых, любая война — это гуманитарная катастрофа, и государственная власть призвана искать пути и способы смягчения ее последствий.

Необходимо осуществить реконструкцию этой важнейшей части исторического прошлого и понять, как существовавшая в условиях Гражданской войны государственная власть решала этот самый сложный комплекс стоявших перед ней социальных проблем.

Во-вторых, Гражданская война в России велась как одна из тотальных войн, и противоборствовавшие стороны пытались применять широкий спектр мер социального манипулирования обществом. Что они представляли собой в лагере противников советской власти, как реагировало на них общество, как применяемые государственной властью меры повлияли на ход и исход Гражданской войны.

Наконец, в-третьих, исследование социальной политики государства в условиях его распада, дробления и ослабления актуально и с точки зрения аккумуляции мирового опыта, позволяет поставить пример антибольшевистского лагеря Гражданской войны в контекст мировой практики, разобраться, каковы общие и особенные черты трансформации социальных функций государства под воздействием кризисных явлений.

Однако антибольшевистское движение, охватившее окраины бывшей Российской империи, слишком сложно и многогранно, включает несколько не связанных между собой крупных макрорегионов. Чтобы рассмотреть социальную политику всех несоветских государственных образований России, потребуются усилия целого авторского коллектива, опирающегося на богатую историографическую традицию. Только на востоке России сложился крупнейший очаг сопротивления власти большевиков, обладавший целостностью и одновременно сложной динамикой, наибольшим количеством исторических вариаций и альтернатив, открывающий широкие исследовательские перспективы.

Многочисленные обобщающие исследования по истории Гражданской войны в России постоянно возвращаются к вопросу о причинах победы большевиков и поражения их противников, социальной цене и издержках противоборства «красных» и «белых». Большинство авторов концентрируются на проблемах политической борьбы в верхах большевистского руководства или «белого» генералитета, репрессивных действиях по отношению к политическим противникам и населению. Однако стоящие перед государственной властью задачи не сводились только к обеспечению военной победы над противником и формированию для этого социальной опоры власти. Наряду с данной целью существовала необходимость сохранения социума, оказавшегося перед угрозой вымирания от голода, эпидемий, репрессий. В какой-то степени решение этих задач консолидировало власть и общество, усилило их единство. Но, с другой стороны, отвлечение сил и средств на решение социальных проблем несло демобилизующий характер, снижало степень концентрации ресурсов на решение военных проблем.

Каждый из противоборствующих режимов стремился найти оптимальный баланс военно-мобилизационных и социально-реабилитационных мероприятий. Эта задача решалась посредством выработки и реализации социальной политики. Данное утверждение правомерно не только по отношению к политическим режимам, руководители которых осознавали значимость социальной политики и воспринимали ее как самостоятельное направление своей деятельности. Отсутствие активной социальной политики также должно стать предметом специального анализа. Только в этом случае можно выйти на уровень сравнения характера взаимодействия власти и общества в России в целом, в каждом из противоборствовавших лагерей, а также в отдельных регионах.

Но пока в этом направлении историки делают только первые шаги. Цель данного монографического исследования состоит в изучении основных направлений, методов реализации и результатов социальной политики антибольшевистских правительств на востоке России с июня 1918 по октябрь 1922 г. как части российского и мирового опыта.

Разные регионы на востоке страны в разное время находились под властью нескольких правительств и органов регионального управления. Это Комуч, Прикомуч, Временное областное правительство Урала, Западно-Сибирский комиссариат, Временное Сибирское правительство, Временное Всероссийское правительство (Директория), Российское правительство, Иркутский Политический центр, Временное правительство автономной Сибири, Временное правительство Амурской области, органы высшей власти, действовавшие при главнокомандующем вооруженных сил Российской Восточной окраины, Временное правительство — Приморская областная земская управа (Временное правительство Дальнего Востока), Временное Приамурское правительство, Правитель Приамурского земского края, а также претендовавшие на роль автономий национальные и сословные органы власти: Оренбургское войсковое казачье правительство, Башкирское правительство, Алаш-Орда.

Все указанные органы власти и управления обладали двумя важнейшими общими качествами. Они не признавали или не использовали советское законодательство и вели свою правопреемственность от дооктябрьского периода (нормативно-правовая база царского и Временного правительств). Кроме того, каждое из правительств, приходя на смену другому, опиралось на нормативную базу, введенную предшественниками, и развивало ее. Так происходило даже в случаях государственных переворотов (18 ноября 1918 г. в Омске, 31 января 1920 г. и 26 мая 1921 г. во Владивостоке) или победы в результате вооруженного восстания (5 января 1920 г. в Иркутске). Важно, что при всех этих органах власти изучаемая территория являлась лагерем контрреволюции, представляла собой относительно единый контину-

ум деятельности общественных сил, хотя не исключено, что в отдельные периоды та же территория становилась плацдармом для активной организации сторонников советской власти. Не все изучаемые органы власти являлись контрреволюционными. Отметим также, что не все они имели название «правительство», некоторые являлись единоличными диктатурами с управлениями при диктаторе (Г. М. Семенов, М. К. Дитерихс) или иными формами государственных образований.

Используемый в книге термин «антибольшевистские правительства» тоже допустим лишь с некоторыми оговорками. Иркутский Политический центр и Временное правительство — Приморская областная земская управа не являлись антибольшевистскими органами. Они нацеливались на примирение с советской властью, рассчитывая при этом сохранить относительную автономию и независимость от Москвы. Однако, во-первых, они также выступили правопреемниками действовавших ранее антибольшевистских правительств; во-вторых, не будучи советской властью, эти региональные органы продолжали небольшевистскую альтернативу государственного строительства и внутренней политики; и наконец, в-третьих, ситуацию в Восточной Сибири при Иркутском Политическом центре и в Приморье в 1920 — начале 1921 г. можно с одинаковым основанием относить одновременно к двум противодействовавшим лагерям Гражданской войны, а следовательно, для более глубокого понимания основных тенденций социальной политики в антибольшевистском лагере их правомерно и даже необходимо включить в рамки настоящего исследования. Более того, чтобы избежать постоянных оговорок при обобщениях, анализе общих тенденций, в монографии все органы власти, противостоявшие большевикам в той или иной форме, будут именоваться антибольшевистскими.

Реализация политики всегда есть процесс взаимодействия власти и общества. Население являлось объектом управления со стороны государственных органов. К важнейшим способам самоорганизации общества следует отнести органы местного самоуправления, общественные организации и их объединения. Через них общественные силы и социальные группы оказали ощутимое влияние на формирование социальной политики и подвергались ее воздействию. Общественное мнение и общественные настроения формировались открыто через прессу и иные способы выражения, в том числе через политические действия, выражающие ожидания, поддержку или протест. Одновременно разные группы населения в разной степени являлись получателями социальной помощи от государственных и общественных доноров.

Предметом изучения станет деятельность органов государственной власти и управления, направленная на организацию и регулирование социальной сферы, поддержание качества и уровня жизни населения, удовлетво-

рение социальных потребностей личности и социальных групп населения. Она происходила в форме разработки и принятия нормативно-правовых актов и их реализации, что подразумевает не только изучение государственного строительства, но и истории правотворчества и правоприменительной практики. Социальная политика неразрывно связана с экономической, зависит от возможностей органов власти аккумулировать и распределять экономические ресурсы, в то же время прямо и косвенно влияет на объем ресурсов в распоряжении государства. Сама социальная политика в значительной мере является системой мер распределения властью ресурсов в интересах отдельных групп населения и общества в целом.

Отраслевая структура социальной политики задается конкретными обстоятельствами. В разных условиях на первый план могут выступать различные ее части, а некоторые — просто отсутствовать. Поэтому иерархия изучаемых научных проблем и структура самого исследования определяются конкретно-исторической реальностью. В антибольшевистский период Гражданской войны на востоке России к социальной политике относится деятельность правительственных органов по регулированию имущественных, социально-трудовых отношений, меры социальной защиты населения в целом и его отдельных групп, управление сферой здравоохранения и просвещения.

Территориальные рамки исследования включают все пространство востока России (Поволжье, Прикамье, Урал, Степной край, Сибирь и Дальний Восток, полосу отчуждения КВЖД), находившееся под властью антибольшевистских сил в разные периоды Гражданской войны. Хронологические рамки определяются периодом существования антибольшевистских политических режимов на востоке России. Начальная хронологическая граница (конец мая — начало июня 1918 г.) обусловлена созданием первого государственного образования на востоке России, альтернативного советской власти, конечная (октябрь 1922 г.) — падением последнего антибольшевистского государственного образования на Дальнем Востоке.

Структуру монографии определили цели и задачи исследования, методология и состояние источниковой базы, а также реальные очертания социальной политики. Она строится по проблемному принципу.

В первой главе дан историографический обзор изучения темы в общем контексте изучения истории Гражданской войны, заданы методологические основания, проанализирована источниковая база и сформулированы основные принципы работы с источниками.

Вторая глава представляет собой обзор событий Гражданской войны на востоке России, в ней описана политическая история правительств, возникших в этот период, проанализировано их взаимодействие друг с другом. Здесь же рассмотрены проблемы социопропространственной динамики Гра-

жданской войны на востоке России, описаны наиболее значимые силы, формировавшие общественное мнение и настроения: кооперация, предпринимательские, профсоюзные и партийные организации. Взаимодействие с ними определяло государственную социальную политику.

Третья глава посвящена мероприятиям по урегулированию прав собственников. Чрезвычайные обстоятельства Гражданской войны, российская государственная традиция и ее трансформация под влиянием революционных событий толкали власть одновременно на восстановление и на нарушение прав собственников. Это направление деятельности государства тесно связано с пониманием новой властью принципов социальной справедливости. В то же время анализу подвергнута не только и не столько нормативно-правовая база, сколько правоприменительная практика. После экспериментов большевиков с национализацией собственности и стихийно начавшимся переделом земли и имущества решение данной задачи должно было позиционировать власть на социальном поле России, обозначать социальную дистанцию между ней и каждой группой населения.

Четвертая глава анализирует размеры и принципы регулирования оплаты труда государственных служащих, военных и наемных работников, что является важнейшей характеристикой социальной политики. В этой деятельности проявляются социальные приоритеты властей, представителей бизнеса и ожидания наемных работников. В то же время подобный анализ позволяет выявить и ряд объективных процессов, протекавших в России в результате экономического кризиса и не зависевших от намерения власти.

Предметом пятой главы стали, во-первых, пенсии и пособия наименее социально защищенным группам населения, во-вторых, деятельность государственных и муниципальных органов, направленная на поддержание системы социального страхования широких слоев населения. В центре внимания оказалась проблема роста объемов необходимых выплат в условиях сокращения материальных возможностей органов власти, что вписывается в контекст основных противоречий социальной политики между экономической эффективностью и социальной целесообразностью.

В шестой главе рассмотрено многообразие трудовых конфликтов с точки зрения современной конфликтологии, социального партнерства и корпоративной солидарности. В поле зрения попали мероприятия по поддержанию производственной дисциплины и отношения, складывавшиеся в этой связи между государством, представителями бизнеса и организациями трудящихся.

Седьмая глава фокусируется на анализе деятельности по преодолению чрезвычайных социально-демографических ситуаций, связанных с Гражданской войной: помощь раненым, беженцам, борьба с эпидемиями, эвакуация гражданского населения. Особое внимание уделено сложному взаимодей-

ствию государства и общественных благотворительных организаций в решении этих задач.

В восьмой главе внимание сосредоточено на материальном положении, проблемах материального обеспечения культурной сферы. Вместе с этим показан размах и многообразие культурной жизни, проанализировано положение науки и образования. Реализация масштабных проектов развития культуры и образования в условиях экономического коллапса не только затруднительна с материальной стороны, но и порождает борьбу вокруг социальных приоритетов государства. Одновременно в такие эпохи обостряется вопрос о социальной цене реализации подобных проектов.

Исследование данной темы было начато автором в начале нового столетия. Выбор связан с полным осознанием пионерной для своего времени постановки цели, изобилия источников и фактического материала. С начала исследования минуло два десятилетия, и историографическая ситуация кардинально изменилась. К истории социальной политики в антибольшевистском лагере и ее отдельных аспектов теперь обращаются многие исследователи. Если в начале пути задача сравнительного анализа социальной политики в разных центрах антибольшевистского движения была нереализуема, то сейчас ее можно решить, опираясь на некоторую историографическую традицию, большой комплекс опубликованных документов.

За два десятилетия собран значительный материал. Все это стало возможно благодаря неоднократной поддержке разных фондов. На начальном этапе значительная часть работы была проделана в рамках исследовательского гранта Американского совета научных сообществ (American Council of Learned Societies). Этот же фонд выделил средства на публикацию монографии, обобщившей первые результаты разработки темы¹. В ней сформулировано видение структуры социальной политики антибольшевистских правительств на востоке России, которое претерпело за прошедшие тринадцать лет только незначительные уточнения. Но за эти годы существенно расширена источниковая база исследования, а историографическая ситуация изменилась настолько сильно, что стало возможным поставить и решить новые задачи, о которых тринадцать лет назад не приходилось даже мечтать. Текст некогда вышедшей монографии использован в настоящем издании, так как в свое время задумывался как дополненное и расширенное ее переиздание, но теперь он составляет примерно треть от нового текста.

¹ Рышков В. М. Социальная политика антибольшевистских режимов на востоке России (вторая половина 1918–1919 гг.). Новосибирск, 2008.

Постоянную поддержку в работе над темой оказывал и Российский фонд гуманитарных исследований, ныне — Российский фонд фундаментальных исследований¹. За долгие годы удалось разработать многие сюжеты, в то время являвшиеся разделами или этапами реализации крупных коллективных и индивидуальных исследовательских проектов. Теперь они включены в данное монографическое исследование и стали его органичной частью. При содействии упомянутых фондов осуществлены многочисленные командировки для сбора источников и изучения состояния общества на востоке России в годы Гражданской войны. Российский фонд фундаментальных исследований поддержал и завершающую стадию сбора материала, его теоретического анализа, доработки текста, сделал подготовку обобщающей монографии не только желанием автора, но и его обязательством².

Я благодарен коллегам за помощь при подготовке данного исследования. Прежде всего Владимиру Ивановичу Шишкину, научному руководителю времени студенчества и аспирантуры, написания кандидатской диссертации «Экономическая политика контрреволюционных правительств Сибири (вторая половина 1918 — 1919 г.)» (Новосибирск, 1998). После этого мне довелось работать в составе возглавляемых им научных коллективов по исполнению исследовательских проектов, публиковать статьи в редактируемых им сборниках. В результате я прошел добротнейшую школу работы с историческими источниками, без которой данное исследование едва ли могло состояться. Его же одержимость в поиске новой литературы, энциклопедическая историографическая осведомленность, хочется надеяться, хотя бы отчасти повлияла на подходы к работе с научными изданиями, реализованными в данной монографии. На протяжении многих лет поддержку мне оказывал Владимир Андреевич Ильиных, заведующий сектором аграрной истории, в котором я работаю с 1997 г. Под его руководством я тоже прошел крепкую школу научной работы в совместных научных проектах, обогатил свою теоретическую подготовку подходами, разработанными в рамках крестьяноведения (*peasant study*), а также прошел добротную практику работы со статистическими источниками. Большую роль сыграло его толерантное отношение к моим занятиям темой, не имевшей прямой связи

¹ РГНФ, проект № 01-00-377а «Гражданская война в Сибири. 1917–1920 гг.» (2001–2003); РГНФ, проект № 07-01-00551а «Органы государственной власти сибирской контрреволюции в годы Гражданской войны: новые исследовательские проблемы и документальные источники» (2007–2009); РГНФ, проект № 09-09-00413а: «Государство, общественная жизнь и народные массы на востоке России при антибольшевистских правительствах (1918–1922 гг.)» (2009–2010); РГНФ, проект № 11-01.00222а: «Политические режимы и системы контрреволюции на востоке России в годы Гражданской войны (2011–2013)»; РГНФ, № 14-10-00313а: «Политическая адаптация населения Сибири в условиях войн, революций и реформ в первой трети XX века» (2014–2016).

² РФФИ, № 18-09-00580 «Социальная политика антибольшевистских правительства на востоке России: идеология, законодательство, практика (1918–1922 гг.)» (2018–2020).

с профилем сектора, а также атмосфера взаимной поддержки и доброжелательной конструктивной критики, которая сложилась в секторе во многом его усилиями. Хочу поблагодарить также всех коллег по Институту истории СО РАН. Промежуточные итоги исследования неоднократно докладывались на институтских мероприятиях и заседаниях Ученого совета, а многие статьи — вехи на собственном исследовательском пути — рождались в сотрудничестве с разными научными подразделениями. Научные дискуссии и просто кулуарное обсуждение волновавших меня в разное время научных проблем стали важным условием успешной работы.

Увлечение экономической историей во многом определило мой научный взгляд на изучаемую тему. Штудированием экономических дисциплин я занялся, будучи непродолжительное время студентом Сибирской академии государственной службы. Во многом это предопределило и выбор темы кандидатской диссертации, и круг научных интересов. В дальнейшем многое мне дало сотрудничество, а в последнее время и членство в Научном совете РАН по проблемам экономической истории. Огромная благодарность за многолетнюю поддержку моих исследовательских начинаний его председателю, доктору исторических наук, члену корреспонденту Леониду Иосифовичу Бородину. Особенно ценно его умение собрать неравнодушных и очень профессиональных коллег для организации обстоятельного обсуждения актуальных научных проблем, в том числе и волновавших меня на разных этапах подготовки монографии. Конференции, организованные Научным советом РАН по проблемам экономической истории, Центром изучения экономической истории Алтайского государственного университета, научные семинары Центра Экономической истории МГУ стали важной творческой лабораторией, в которой много лет оттачивались мои научные позиции.

Неоценимую помощь в поиске новых источников, а также советами и рекомендациями оказали сотрудники сектора общественно-политического развития Вадим Викторович Журавлев, Дарья Леонидовна Шереметьева, заместитель директора Института истории СО РАН, а ныне директор Государственного архива Новосибирской области Дмитрий Геннадьевич Симон. При подготовке монографии ценные советы и консультации я получил от коллег из разных академических и вузовских учреждений: Михаила Игоревича Вебера, Владимира Прохоровича Буддакова, Руслана Григорьевича Гагкуева, Андрея Владиславовича Ганина, Владислава Ивановича Голдина, Бориса Ивановича Колоницкого, Виктора Викторовича Кондрашина, Николая Семеновича Ларькова, Евгения Викторовича Лукова, Павла Флоровича Назырова, Игоря Васильевича Побережникова, Натальи Викторовны Суржиковой, Дмитрия Анатольевича Сафонова, Дмитрия Николаевича Шевелева, Владимира Александровича Шуддякова, Рустэма Асхатовича Ха-

зиева, знакомившихся с промежуточными результатами моих исследований. Периодически включаясь в ту или иную часть моей текущей работы, они заставляли меня штурмовать вновь, казалось бы, взятые научные высоты с учетом дополнительных источников или открытого ими нового ракурса.

Созданию монографии предшествовали многолетние «полевые» исследования — архивные и библиотечные изыскания. Сбор материала проходил во многих архивных и библиотечных хранилищах. Далекое не все они нашли упоминания в научно-справочном аппарате монографии. Особую благодарность хочу выразить сотрудникам Государственного архива Российской Федерации, ставшего для меня базовым архивохранилищем. Огромная благодарность директору архива Ларисе Александровне Роговой и сотрудникам Нине Ивановне Абдулаевой, заведующей архивохранилищем коллекции документов по истории Белого движения и эмиграции Лидии Ивановне Петрушевой, а также директору Государственного архива Томской области Анастасии Геннадьевне Караваевой и его сотрудникам, всегда отзывчивым и расположенным к исследователям, директору Центрального Государственного исторического архива Дальнего Востока Александру Анатольевичу Торопову и заместителю директора Наталье Анатольевне Троицкой, директору Центра изучения Гражданской войны Исторического архива Омской области Дмитрию Анатольевичу Петину и сотруднику Центра Максиму Максимовичу Стельмаку, директору Государственного архива Красноярского края Ольге Робертовне Сордие.

Огромную работу по технической подготовке текста и его первоначальном редактировании оказала сотрудница сектора аграрной и демографической истории Елена Петровна Лунегова, к сожалению не дожившая до выхода монографии.

Моя супруга Светлана не только создала идеальные условия для творческой работы, но и стала первым терпеливым и внимательным читателем промежуточных вариантов и редактур монографии.

ГЛАВА I

Проблемы изучения: историография, методология, источники

1.1. От современников до современности: эволюция историографии

Гражданская война в России всегда находилась в центре внимания. Существует чрезвычайно богатая научная литература, посвященная различным ее аспектам. С начала 1960-х гг. в рамках изучения истории Гражданской войны в качестве самостоятельного исследовательского направления оформилась историография. Вышли исследования обобщающего характера¹, а также посвященные отдельным проблемам² либо систематизирующие историографию в территориальных рамках отдельных территорий России: в Поволжье³,

¹ *Найда С. Ф. Наумов В. П.* Советская историография гражданской войны и иностранной военной интервенции в СССР. М., 1966; *Наумов В. П.* Летопись героической борьбы. Советская историография гражданской войны и иностранной интервенции в СССР. М., 1972; *он же.* Новейшая историография гражданской войны и империалистической интервенции // Защита Великого Октября. М., 1982.

² *Литвин А. А.* Крестьянство России и политические партии в годы гражданской войны в освещении современной советской историографии // Непролетарские партии России в 1917 году. М., 1980. С. 181–188; *он же.* Советская историография краха «демократической контрреволюции» в России // Вопросы истории. 1982. № 1. С. 111–119.

³ *Литвин А. А.* Гражданская война в Поволжье в современной советской историографии // Ученые записки Казанского пед. ин-та. Казань, 1974. Вып. 121. С. 31–46; *он же.* Советская историография гражданской войны в Среднем Поволжье // История и историки. Историографический ежегодник. 1979. М., 1982. С. 34–59; *он же.* Современная историография истории гражданской войны в Среднем Поволжье // Историография Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны в Поволжье: межвуз. сб. Куйбышев, 1984. С. 89–105; *он же.* Советская историография гражданской войны в Поволжье. Казань, 1988; *он же.* Итоги и задачи изучения гражданской войны в Поволжье // Вопросы истории. 1988. № 7. С. 141–150; *Мальшиева С. Ю.* Гражданская война в Поволжье. 1918 год: историография: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1991.

на Урале¹, в Сибири² и на Дальнем Востоке³. Отдельным направлением историографии стал анализ зарубежной историографии Гражданской войны,

¹ *Аминев З. А.* Историография Октябрьской революции и гражданской войны в Башкирии // Из истории Советской Башкирии: уч. зап. Башкирского ун-та. Вып. 26. Уфа, 1967. Сер. ист. Вып. 5. С. 5–30; *Васьковский О. А.* Новая литература по истории гражданской войны на Урале 1918–1919 гг. // Ученые записки Уральского университета. Свердловск, 1961. Вып. 39. Ч. 2: Вопросы истории Урала. С. 3–20; *он же.* Источниковедение и историография истории гражданской войны на Урале 1918–1919 гг. // Сборник материалов научной сессии вузов Уральского экономического региона. Свердловск, 1963. С. 56–65; *он же.* К вопросу о соотношении сил в уральской деревне в период гражданской войны (1918 г.): обзор литературы // Вопросы аграрной истории Урала и Западной Сибири: докл. и сообщ. науч. сессии по истории сельского хозяйства и крестьянства Урала и Западной Сибири. Свердловск, 1966. С. 339–346; *он же.* Проблематика истории гражданской войны на Урале в современной исторической литературе // Ученые записки Уральского университета. Свердловск, 1967. № 78. Сер. ист. Вып. 2: Вопросы историографии гражданской войны на Урале. С. 3–67; *он же.* Проблема социальных отношений на Урале периода гражданской войны в советской исторической литературе // Историческая наука на Урале за 50 лет. Свердловск, 1967. Вып. 1. С. 131–139; *он же.* Итоги и задачи изучения истории гражданской войны на Урале // Урал и оборона Советской страны. Свердловск, 1968. С. 53–69; *он же.* Некоторые итоги историографического исследования истории гражданской войны на Урале // Историография социалистического строительства на Урале в переходный период, 1917–1937. Свердловск, 1980. С. 3–18; *он же.* Историография и социально-политические проблемы истории гражданской войны на Урале. Свердловск, 1981; *Васьковский О. А., Тертышный А. Т.* Некоторые итоги изучения социально политических проблем истории Урала периода гражданской войны (1918–1920) // Историография гражданской войны и империалистической интервенции. М., 1983. С. 177–188; *они же.* Современная историография истории Урала периода гражданской войны. Свердловск, 1984; *Васьковский О. А., Попов Н. Н.* Основные итоги изучения Октябрьской революции и гражданской войны на Урале // Урал и проблемы региональной историографии: советский период. Свердловск, 1986. С. 3–19; *Крупина А. Н.* Уральские историки 60–80-х гг. об участии крестьянства в борьбе за установление и упрочение советской власти // Историография социально-экономического развития Урала в период строительства социализма (1917–1937). Свердловск, 1987. С. 31–414; *она же.* Крестьянство Урала в гражданской войне (1918–1919 гг.): историография: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1990; *она же.* Освещение в современной литературе уроков колчаковщины и поворота среднего крестьянства на сторону советской власти // Уральское село в XX веке. Екатеринбург, 1994. С. 4–24; *Панькин И. Д.* Современная советская историография гражданской войны на Южном Урале (1918–1919 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1988; *Скитина И. В.* Историография истории борьбы с колчаковщиной на Урале: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1988; *Сичинский Е. П.* Из истории областного правительства Урала (историография вопроса) // Экономика и социально-политическое развитие Урала в переходный период: история, историография. Свердловск, 1990. С. 18–27.

² *Варин Н. Ф.* О литературе по истории гражданской войны и иностранной интервенции в Сибири // История СССР. 1964. № 4 С. 140–155; *Батоцыренов В. Б.* Советская историография Октябрьской революции и гражданской войны в Бурятии (1917–1965 гг.). Улан-Удэ, 1967; *Плотникова М. Е.* О некоторых итогах современной советской историографии партизанского движения в Сибири // Материалы науч. конф. по истории Сибири, посв. 50-летию Великого Октября. Томск, 1967. С. 73–113; *она же.* Некоторые проблемы гражданской войны в Сибири в советской историографии // Методологические и исторические вопросы исторической науки. Томск, 1967. Вып. 5; *она же.* Некоторые проблемы гражданской войны в Сибири в советской историографии // Труды ТГУ. Томск, 1967. Т. 193. С. 76–113; *она же.* Советская историография партизанской войны и интервенции в Сибири: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 1969; *она же.* Советская историография литературы о сибирском крестьянстве в период иностранной интервенции и гражданской войны в Сибири // Советское крестьянство — активный участник борьбы за социализм и коммунизм. Барнаул, 1969. С. 85–88; *она же.* Советская историография гражданской войны в Сибири (1919 — первая половина 1930-х годов.).

в том числе на востоке России¹. В них дана оценка проведенных исследований, определены приоритетные направления и малоисследованные темы. Но лишь в конце советского периода внутренняя политика политических

Томск, 1974; *она же*. Современная советская историческая литература о позициях сибирского крестьянства в 1918–1919 гг. // Из истории гражданской войны и интервенции в 1917–1922. М., 1974. С. 420–429; *она же*. О проблематике современной советской историографии гражданской войны в Сибири // Вопросы истории общественно-политической жизни Сибири периода Октября и гражданской войны. Томск, 1982. С. 205–215; *она же*. О проблематике советской историографии гражданской войны в Сибири // История СССР. 1985. № 5. С. 101–116; *Плотникова М. Е., Разгон И. М.* Некоторые итоги и задачи изучения основных проблем истории борьбы с колчаковщиной в Сибири // К 50-летию освобождения Сибири от колчаковщины. Томск, 1970. Вып. 1. С. 3–12; *они же*. Некоторые итоги и задачи изучения основных проблем истории борьбы с колчаковщиной в Сибири // Вопросы истории Сибири. Томск, 1972. Вып. 7. С. 3–15; Историография крестьянства советской Сибири. Новосибирск, 1976. С. 31–108 (авторы раздела о Гражданской войне — М. Е. Плотникова и В. И. Шишкин); *Плотникова М. Е., Шишкин В. И.* Основные направления и итоги современной советской историографии интервенции и гражданской войны в Сибири // Гуманитарные исследования Сибири. Новосибирск, 1984. С. 177–187; Историография советской Сибири (1917–1945 гг.). Новосибирск, 1968. С. 32–72 (автор раздела о Гражданской войне — В. А. Кадейкин); *Щербинина Н. Г.* Некоторые вопросы взаимоотношений Колчака и интервентов в работах советских историков 50–80-х гг. // Октябрь и гражданская война в Сибири. История. Историография. Источниковедение. Томск, 1985. С. 127–132; *Тормозов В. Т.* Белое движение в отечественной исторической литературе (20-е годы). М., 1989; *Кладова Н. В.* Историко-публицистическая литература 20-х годов об экономической политике контрреволюционных правительств Сибири // Великий Октябрь и социалистические преобразования Сибири. Новосибирск, 1987. С. 57–58; *она же*. Новейшая советская историография рабочего класса Сибири периода гражданской войны и интервенции // Вопросы методологии истории, историографии и источниковедения. Томск, 1987. С. 86–88; *она же*. Сибирские городские восстания периода гражданской войны в исследованиях 20-х гг. // Вопросы историографии революционного движения и социалистического строительства в Сибири. Омск, 1988. С. 63–66; *она же*. Становление советской историографии профсоюзного движения в Сибири в годы гражданской войны // Вопросы историографии Сибири и Алтая. Барнаул, 1988. С. 121–131; *она же*. Основные направления и итоги советской историографии рабочего класса Сибири периода гражданской войны // Сибиряки в борьбе за власть Советов, за защиту социалистического отечества: тез. докл. и сообщ. Всесоюз. науч. конф. Новосибирск, 1990. С. 28–30; *она же*. Сибирские рабочие в годы гражданской войны и иностранной интервенции (историография проблемы.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1991; *Гарипова А. Г.* Некоторые историографические вопросы истории гражданской войны на Алтае // Гражданская война и партизанское движение в Алтайском крае. Барнаул, 1989. С. 98–101; *она же*. Некоторые вопросы истории контрреволюции в современной советской историографии // Сибиряки в борьбе за власть Советов, за защиту социалистического отечества. Новосибирск, 1990. С. 41–43; *она же*. Советская историография гражданской войны в Сибири (конец 60-х — 80-е гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1991; *Кузнецова О. В.* Современная литература о профсоюзах Западной Сибири периода гражданской войны // Вопросы методологии истории, историографии и источниковедения. Томск, 1987. С. 88–90.

³ *Гуцуценко И. И.* К вопросу о советской историографии гражданской войны и интервенции на Дальнем Востоке // Вопросы истории советского Дальнего Востока. Владивосток, 1963. Кн. 1. С. 41–56; *Куций Г. С.* Некоторые вопросы советской историографии гражданской войны и военной интервенции на Дальнем Востоке (1918–1922) // Вопросы истории советского Дальнего Востока. Владивосток, 1965. Вып. 3. С. 12–16; *Бутенина Н. Д.* Советская историография гражданской войны и интервенции на Дальнем Востоке в 1918 — первой половине 1930-х гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1982.

¹ *Фоминых С. Ф.* Американская буржуазная историография гражданской войны и интервенции в Сибири: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1969; *он же*. Американские буржуазные историки о причинах поражения сибирской контрреволюции в гражданской войне // Вопросы истории Сибири. Томск, 1972. Вып. 6. С. 85–91; *он же*. Основные тенденции англо-американской буржуазной историо-

режимов контрреволюции и особенности их формирования стали осознаваться как далеко не приоритетная, но вполне самостоятельная научная проблема.

Подавляющее большинство опубликованных до распада Советского Союза исследований не выходили за рамки реферативного обзора. Но их характерной чертой являлось относительно полное знакомство с предметом исследования и весьма детальный разбор большинства публикаций советского периода. Тем не менее в 1990-х гг. и особенно со второй их половины на протяжении двух десятилетий продолжают появляться все новые историографические исследования общероссийского¹ и регионального

графии гражданской войны и антисоветской интервенции // Из истории гражданской войны и интервенции 1917–1922 гг. М., 1974. С. 445–452; *он же*. Некоторые вопросы истории гражданской войны и иностранной интервенции в СССР в освещении англо-американской буржуазной историографии // Проблемы истории Октябрьской революции и гражданской войны в СССР. Томск, 1975. С. 333–352; *он же*. Критика современной англо-американской буржуазной историографии гражданской войны и иностранной интервенции в СССР (историографические аспекты) // Из истории интервенции и гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке. 1917–1922 гг. Новосибирск, 1985. С. 68–77; *Пасков С. С., Серов В. М.* Интервенция Японии на советском Дальнем Востоке в современной буржуазной японской историографии // Ученые записки ДВГУ. Сер. ист. 1971. Т. 40. Вып. 21; *Пасков С. С.* История возникновения интервенции Японии на советском Дальнем Востоке в японской историографии (1946–1970 гг.) // Из истории гражданской войны и интервенции. 1917–1922 гг.: сб. стат. М., 1974. С. 459–466; *Пасков С. С., Савастеев В. В., Черных А. Г.* Японская интервенция на советском Дальнем Востоке и ее провал (1918–1922 гг.). По японским публикациям // Народы Азии и Африки. 1977. № 6. С. 21–35; *Познанский В. С.* Японский историк разоблачает японскую интервенцию в Сибири // Известия СО РАН. Сер. история, филология и философия. Новосибирск, 1987. Вып. 3. С. 61–64; *Сапожников Б. Г.* Прогрессивная японская историография об участии в империалистической интервенции на советском Дальнем Востоке // Империалистическая интервенция на советском Дальнем Востоке. Владивосток, 1989. С. 91–103; *Щебеньков В. Г., Мухачев Б. И.* Освещение характера интервенции Японии на Дальнем Востоке СССР в официальной японской историографии // Империалистическая интервенция на советском Дальнем Востоке. Владивосток, 1989.

² *Тормозов В. Т.* Советская историография истории белого движения (конец 20-х — 1991 г.) М., 1994; *он же*. Белое движение в гражданской войне. 80 лет изучения. М., 1998; *он же*. Белое движение в гражданской войне. Историография проблемы (1918–1998 гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1998; Белое движение в гражданской войне. 90 лет изучения. Введение в историографию белого движения: кол. монография / под ред. В. Т. Тормозова. М., 2008; *Бордюгов Г. А., Ушаков А. И., Чураков В. Ю.* Белое дело: идеология, основы, режимы власти: историографические очерки. М., 1998; *Иванов А. В., Тертышный А. Т.* Уральское крестьянство и власть в период гражданской войны (1917–1921 гг.): опыт осмысления проблемы в отечественной историографии. Екатеринбург, 2002; *Голдин В. И.* Гражданская война в России в современной историографии // Гражданская война в России и на Русском Севере: проблемы истории и историографии. Архангельск, 1999; *он же*. Россия в гражданской войне. Очерки новейшей историографии (вторая половина 1980-х — 1990-е гг.). Архангельск, 2000; *он же*. Революционный пролог и Гражданская война в России на историографическом рубеже XX–XXI в. // Проблемы новейшей истории России. СПб., 2005. С. 91–202; *он же*. Среди замаскированных фигур // Родина. 2008. № 3. С. 3–8; *он же*. Гражданская война в России сквозь призму лет: историографические процессы. Мурманск, 2012; *Иванов А. В.* Социально-политические проблемы крестьянства Урала периода гражданской войны в отечественной историографии: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2000; *Рыбников В. В., Казаков В. Г., Ипполитов Г. М.* «Белое дело» в литературе и источниках. М., 2001; *Верещанин А. С.* Социально-экономическая политика в годы гражданской войны (трактовки и интерпретации отечественной историографии) // Вестник Башкирского института социальных

масштаба¹. Из современной историографической литературы наиболее ценными являются монографии и статьи В. И. Голдина и А. С. Верещагина. Остальные публикации сохраняют сугубо описательный характер. В каче-

технологий. 2009. № 1. С. 63–72; *Верещагин А. С.* Гражданская война: аспекты современной историографии // Россия в годы революции и гражданской войны: историко-правовой аспект: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Уфа, 2009. С. 9–13; *он же.* Новые аспекты региональной историографии Гражданской войны // Вестник Башкирского университета. 2012. Т. 17, № 1 (1). С. 744–746; *Ушаков А. И.* Современная российская историография антибольшевистского движения в годы гражданской войны в России. М., 2004; *он же.* Антибольшевистское движение в годы гражданской войны в России. Отечественная историография: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Казань, 2004; *Михайлов И. В.* Современная историография гражданской войны в России // Россия и современный мир. 2007. № 3. С. 28–46; *он же.* Гражданская война в современной историографии: виден ли свет в конце тоннеля? // Гражданская война в России. События, мнения, оценки. М., 2002. С. 639–655; *Гришанин П. И.* Белое движение и гражданская война: историческая феноменология и историческая память // Вопросы истории. 2008. № 2. С. 167–172; *он же.* Современные подходы к изучению Гражданской войны и Белого движения // Вопросы истории. 2009. № 6. С. 160–168; *он же.* Новое историческое знание в оценке институциональной структуры белых политических режимов // Кlio. 2009. № 1 (40). С. 28–30.

¹ *Сичинский Е. П.* Отечественная историография социалистических партий в период Октябрьской революции и гражданской войны (1917–1919 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 1992; *Гибадуллина Р. Н.* Крестьянство Среднего Поволжья в годы Гражданской войны: отечественная историография: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1993; *Прошин О. Г.* Отечественная историография гражданской войны в Среднем Поволжье (1919–1920 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1993; *Галева Л. И.* Интеллигенция Среднего Поволжья в годы гражданской войны: отечественная историография: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1994; *Крушина А. Н.* Освещение в современной литературе уроков колачовщинного поворота среднего крестьянства на сторону советской власти // Уральское село в XX веке. Екатеринбург, 1994. С. 4–24. *Ильченко В. Н.* Историография промышленности Урала в годы революции и гражданской войны: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 1998; *она же.* Историки об экономической политике большевиков на Урале в 1918 г. // Урал индустриальный: Бакунинские чтения: материалы VI Всерос. науч. конф. Екатеринбург, 2004. Т. 1. С. 68–79; *Иванов А. В.* Социально-политические проблемы крестьянства Урала...; *он же.* Социально-политические аспекты Ижевско-Воткинского восстания 1918 года в трудах советских историков 1920–30-х гг. // Вестник Удмуртского университета. 2012. Вып. 3: История и филология. С. 47–54; *он же.* Политический выбор оренбургского казачества: осмысление проблемы советскими историками в 1960–1980-е гг. // Уральский исторический вестник. 2009. № 3 (24). С. 86–94; *он же.* Антибольшевистское движение на Уральских заводах в 1918 г. (советская историография) // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2010. Т. 82, № 4. С. 148–155; *Иванов А. В., Тертышный А. Т.* Уральское крестьянство и власть...; *Верещагин А. С.* Отечественная историография Гражданской войны на Урале, 1917–1921 гг.: дис. ... д-ра ист. наук. М., 2001; *он же.* Отечественная историография гражданской войны на Урале (1917–1921 гг.) Уфа, 2001; *он же.* Парадоксы историографии Ижевско-Воткинского восстания // Академик П. В. Волобуев. Неопубликованные работы. Воспоминания. Статьи. М., 2000. С. 389–396; *он же.* Некоторые новые тенденции в изучении башкирского национального движения в годы гражданской войны // Отечественная история. 2002. № 4. С. 116–123; *Наумов И. В.* Гражданская война на Дальнем Востоке. Иркутск, 1991; *он же.* Основные тенденции развития отечественной историографии гражданской войны на востоке России // Октябрьская революция и гражданская война в Сибири и на Дальнем Востоке. Улан-Удэ, 1993. С. 55–64; *он же.* У истоков. Изучение истории гражданской войны на Дальнем Востоке в 20-е годы. Иркутск, 1993; *он же.* Сибирская атамановщина 1918–1920 гг. в освещении отечественных историков // Байкальская историческая школа: проблемы региональной истории. Иркутск 1994. Ч. 2. С. 114–116; *он же.* Участие корейцев в гражданской войне на Дальнем Востоке России (историографический аспект) // XX век и военные конфликты на Дальнем Востоке: тез. докл. и сообщ. науч. конф. Хабаровск, 1995. С. 117–120; *Мухачев Б. И., Наумов И. В.* Гражданская война и интервенция на Дальнем Востоке в освещении советских историков (середина 50-х — начало 90-х годов) // Вопросы истории гражданской войны и интервенции на Дальнем Востоке России. Владивосток, 1994. С. 9–25; *Алексеев С. Е.* История создания

стве исследовательской задачи обычно указывается анализ процесса накопления фактических знаний о Гражданской войне. Причем авторы основной объем своих диссертаций, монографий и статей вновь посвятили оценке советских работ, выполняя уже давно решенную задачу и лишь внося в нее очередную нюанс. На поверку новые историографические изыскания часто отличались от написанных ранее лишь несколько иными территориальными и тематическими рамками, привлечением к исследованию некоторой новейшей литературы. Анализ этой литературы и историографических разделов монографий и диссертаций свидетельствует об общем падении историографической культуры. Об этом говорят многочисленные факты заимствованных друг у друга фраз, а также переходящие из сочинения в сочинение ошибки в библиографии. Утрачена традиция вдумчивого и критического рецензирования. Даже самые провальные историографические проекты получали восторженные оценки коллег¹. Наличие многочисленных фактических ошибок свидетельствует о том, что большинство авторов историографических

и функционирования органов управления промышленностью Урала в 1917 — середине 1920-х гг. в отечественной историографии: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2002; *Немчинова Т. А.* Современная российская историография белого движения в Сибири. Улан-Удэ, 2002; *Курас Л. В., Наумов И. В., Немчинова Т. А., Новиков П. А.* Октябрьская революция и гражданская война в Западном Забайкалье: отечественная историография и источники личного происхождения. Улан-Удэ, 2008; *Ожиганов А. Л.* Отечественная историография колчаковского режима (ноябрь 1918 — январь 1920 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2003; *Скипина И. В.* Человек в условиях гражданской войны на Урале: историография проблемы. Тюмень, 2003; *она же.* Человек в условиях гражданской войны на Урале: историография проблемы: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Тюмень, 2003; *Шишкин В. И.* Российская историография Западно-Сибирского комиссариата Временного Сибирского правительства // Проблемы истории государственного управления и местного самоуправления Сибири (XVI—XXI вв.): материалы VI Всерос. науч. конф. Новосибирск, 2006. С. 71–73; *Добровольский А. В.* Становление и развитие в 1920–1950-е гг. историографии деятельности партии эсеров в Сибири в послеоктябрьский период // Общественно-политическая жизнь Сибири. XX век. Новосибирск, 2006. Вып. 7. С. 87–102; *он же.* Современные исторические исследования о деятельности эсеров в Сибири в 1917–1923 гг. // Общественно-политическая жизнь Сибири. XX век. Новосибирск, 2007. Вып. 8. С. 159–174; *Камынин В. Д.* Некоторые итоги историографического изучения истории Гражданской войны на Урале // Гражданская война как феномен мировой истории: материалы науч. конф. Екатеринбург, 2008. С. 9–22; *Трофимов А. В., Иванов А. В., Плюйко Д. В.* Конфликтность и толерантность в российском обществе в годы Гражданской войны. Екатеринбург, 2014; *Трофимов А. В.* Проблематика Гражданской войны в исторических журналах Урала и Сибири // История и современное мировоззрение. 2020. Т. 2, № 1. С. 62–66; *Минаева В. Ю.* Историография Гражданской войны и иностранной интервенции в Забайкалье (к постановке проблемы) // Вестник Бурятского государственного университета. 2015. № 7. С. 230–235; *Поршнева О. С., Фельдман М. А.* Уральская историография Гражданской войны между прошлым и будущим: некоторые итоги постсоветского периода // Гражданская война в России (1917–1922 гг.): историческая память и проблемы меморизации красного и белого движения: сб. материалов Всерос. науч. конф. Омск, 2016. С. 35–41; *Россия в годы Гражданской войны, 1917–1922 гг.: очерки истории и историографии.* М.; СПб., 2018.

¹ *Токарев А. И., Бочарова З. С., Чичерюкин В. Г.* [Рецензия] // Отечественная история. 2002. № 1. С. 205–209. Рец. на кн.: Голдин В. И. Россия в гражданской войне. Очерки новейшей историографии (вторая половина 1980-х — 90-е годы). Архангельск: Боргес, 2000; *Бордюгов Г. А., Ушаков А. И., Чураков В. Ю.* Белое дело: идеология, основы, режимы власти. Историографические очерки. М.: Русский мир, 1998.

исследований не владеют элементарными знаниями о периоде, историографию которого взялись изучать¹. Критический разбор публикаций историографического жанра стал предметом специальных исследований автора².

Проблемы социальной политики в лагере восточной контрреволюции в историографической литературе не обозначены в качестве самостоятельного аспекта историографического изучения, а ключевые публикации, анализ которых необходим в рамках данного монографического исследования, даже не попали в историографические обзоры. Имеется лишь три публикации, охватывающие частные сюжеты и не меняющие общей картины в целом. В статье М. А. Фельдмана дан анализ современных публикаций, посвященных рабочей политике советской власти и восточной контрреволюции. В статье А. В. Иванова суммирован фактический материал по проблемам рабочей политики на Урале из публикаций историков 1920-х гг. и постсоветского периода. Статья С. А. Глазунова посвящена разбору нескольких публикаций советских историков о Комуче. Причем в двух из трех публикаций социальная и экономическая политика рассмотрены обобщенно³.

Но есть основания не ограничиваться только литературой об исследованиях собственно Гражданской войны. В XXI в. 1918–1922 гг. нередко рассматривают в контексте более широкого временного промежутка Первой мировой войны и ее постепенного затухания, либо кризиса Российской империи и ее восстановления в советском варианте. Исследования, выполненные в таких широких темпоральных границах, пока не стали предметом активного историографического исследования. Но немногочисленные историографические экскурсии по отдельным научным проблемам ценны тем, что вписывают социальную политику антибольшевистских правительств в более широкий хронологический контекст⁴.

¹ Иванов А. В., Тертышный А. Т. Уральское крестьянство и власть... С. 65.

² Рышков В. М. [Рецензия] // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2003. Вып. 2. Т. 2. С. 201–206. Рец. на кн.: Немчинова Т. А. Современная историография белого движения в Сибири. Улан-Удэ, 2002; Рышков В. М. Мутное зеркало истории: современные историографические исследования Гражданской войны на востоке России // Исторические исследования в Сибири: проблемы и перспективы: сб. материалов регион. молод. конф. Новосибирск, 2007. С. 13–22; *он же*. Гражданская война на востоке России: проблемы историографии и проблемы историографического жанра // Гражданская война в России (1917–1922 гг.): взгляд сквозь годы и десятилетия. Самара, 2009. С. 65–76.

³ Фельдман М. А. К вопросу о социальной политике Советской республики и белого лагеря в сфере труда в 1918–1920 гг. // Экономическая история. 2011. № 3. С. 17–26; Иванов А. В. Социально-экономическая политика Временного областного правительства Урала (август — ноябрь 1918 года): к истории изучения проблемы // Известия УрГЭУ. 2013. № 2 (46). С. 89–95; Глазунов С. А. Социально-экономическая политика Комуча: проблемы советской историографии 1940–1960-х гг. [Электронный ресурс] // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета: электронный научный журнал. 2019. № 3 (31). С. 73–84. URL: www.vestospu.ru/archive/2019/articles/6_3_2019.html

⁴ Суржикова Н. В., Михалев Н. А., Пьянков С. А. Российское беженство 1914–1922 годов в контекстах новейших отечественной и зарубежной историографий // Вестник Пермского университета.

Для более полного понимания историографической ситуации необходимо проследить динамику изучения истории восточного лагеря контрреволюции в целом и в ее контексте детально рассмотреть результаты анализа социальной политики антибольшевистских правительств. Такой подход позволит не только обозначить решенные научные проблемы, но и определить их место в структуре изучаемой научной проблематики, выявить причины, по которым в разное время одни аспекты темы скрупулезно исследовались, другие находились на периферии научного анализа, третьи предавались забвению.

Научная литература по истории Гражданской войны разделена на отечественную и иностранную. Отечественная включает советскую, составлявшую до 1991 г. основной историографический поток, и российскую эмигрантскую. Эмигрантская историография одновременно являлась зарубежной, но если она после активности 1920–1930-х гг. стала постепенно угасать и после 1950-х гг. практически прервалась, то иностранная историография развивалась и продолжает развиваться сложными путями, зависящими от научной и политической ситуации в отдельных государствах. После 1991 г. начинается новый этап развития отечественной историографии, теперь уже современной российской.

Изучение истории революции и Гражданской войны начали современники и участники событий. Многие исследования первого пятнадцатилетия содержали элементы мемуаристики и политической публицистики. Они являются одновременно частью историографии и историческим источником¹. На первый план сразу вышли сюжеты, связанные с установлением советской власти и борьбой против контрреволюции. Осуществлен целенаправленный сбор и выборочная публикация воспоминаний участников этих событий. Много было сделано для реконструкции событий, связанных с восстаниями в тылу антибольшевистских сил, истории подпольного и партизанского движения. Попытки изучить несоветские органы власти и недружественные большевикам общественные организации подвергались критике, исторический процесс упрощался и вульгаризировался. Исследователями 1920-х гг. Гражданская война подразделялась на два этапа — «демократическую» контрреволюцию, когда у власти находились социалисты, и военную диктатуру. Но авторы подчеркивали отсутствие принципиальных отличий режимов обоих типов. Антибольшевистские правительства представлялись как антинародные. Их деятельность

Сер.: История. 2012. Вып. 3 (20). С. 140–152; *Суржикова Н. В.* Российский плен 1914–1922 гг. в новейшей отечественной историографии: контексты, конструкты, стереотипы // Вестник Пермского университета. Сер.: История. 2013. № 2 (22). С. 167–178.

¹ Первые историки Октябрьской революции и гражданской войны в Сибири: библиогр. указатель. Новосибирск, 1988. С. 6.

сводилась к разграблению народного достояния, удовлетворению корыстных устремлений буржуазии и террору против населения¹. При этом публицистическая выразительность превалировала над стремлением к объективности (В. Ф. Владимиров, В. Д. Вегман), а некоторые авторы уже тогда начали подправлять фактический материал в угоду складывавшейся концепции истории Гражданской войны (П. С. Парфенов, А. Ослоновский и А. Орлов). Оригинальный взгляд на природу колчаковского режима высказал В. Н. Аверьев. Он отметил, что борьба интересов разных групп политической элиты (промышленной буржуазии, аграрных предпринимателей и помещиков-латифундистов) хорошо прослеживалась во внутренней политике, но позволяла Верховному правителю лавировать, играя на противоречиях².

В те годы исследовательский интерес сосредоточивался на рабочей политике³. С. А. Козлова, Я. Кальнин, В. И. Шемелев и А. П. Тянчев опирались на делопроизводственные документы Министерства труда Российского правительства и статистические данные, материалы периодической печати. Авторы выдвинули и обосновали тезис о намеренном курсе государственной власти на ухудшение материального положения трудящихся. Они показывали, что в крупных трудовых конфликтах органы министерства вставали на защиту предпринимателей и выступали за усиление эксплуатации трудящихся. Уже в это время утвердился тезис о расколе профсоюзов. Исследователи утверждали, что лидеры профсоюзного движения — меньшевики и эсеры — предательски пошли на сотрудничество с правящим режимом «демократи-

¹ Четыре месяца Самарской учредилки: историко-литературный сборник. Самара, 1919; Сибирская кооперация в период военной диктатуры. Омск, 1922; *Вегман В.* Областнические иллюзии, рассеянные контрреволюцией // Сибирские огни. 1923. № 3. С. 89–116; *он же.* Сибобдума // Сибирские огни. 1923. № 4. С. 89–111; *он же.* Областнические иллюзии, возрожденные колчаковщиной // Сибирские огни. 1923. № 5–6; *Парфенов П.* Уроки прошлого: гражданская война в Сибири, 1918, 1919, 1920 гг. Харбин, 1921; *он же.* Гражданская война в Сибири в 1918–1919 гг. М., 1925; *он же.* Борьба за Дальний Восток (1920–1922). М., 1931; *Подшивалов И.* Гражданская война на Урале 1917–1918 гг. (опыт военно-исторического исследования). М., 1925; *Владимирова В.* Год службы «социалистов» капиталистам. Очерки по истории контрреволюции в 1918 г. М.; Л., 1927; *Ослоновский А., Орлов А.* Десять лет борьбы и строительства Советов на Урале. Свердловск, 1928; *Дубровский К. В.* В царстве нагайки и виселицы. Сибирская контрреволюция в 1918–1919 гг. М.; Л., 1929; *Тянчев А. П.* Колчаковщина на Урале (1918–1919 гг.). Свердловск; М., 1930; *Николаев И.* Период колчаковщины и семеновщины в Бурятии // От царской колонии до Советской Республики. М.; Иркутск, 1933. С. 59–78.

² *Аверьев В.* Аграрная политика колчаковщины // На аграрном фронте. 1929. № 6. С. 24–45; № 8. С. 23–44.

³ *Эсте.* Год в царстве Колчака. Материалы по истории рабочего движения Сибири с июля 1918 до июля 1919 г. Казань, 1919. С. 134–142; *Козлова С. А.* Труд и охрана труда при Колчаке // Из прошлого Сибири. Омск, 1927. С. 69–95; *Зубцова Н.* Самарское профессиональное движение в 1917–1918 гг. Самара, 1927; Профсоюзы Сибири в борьбе за власть Советов (1917–1919 гг.) / *В. И. Шемелев.* Новосибирск, 1928; Колчаковщина на Урале (1918–1919 гг.): в документах и материалах: с вводным очерком А. Тянцева. Свердловск, 1929; *Кальнин Я.* Труд при «белых» // Сибирские огни. 1929. № 3. С. 134–142.

ческой» контрреволюции вопреки интересам трудящихся и не были поддержаны рабочими, вставшими на борьбу с контрреволюцией во главе с большевиками.

Сходные тенденции прослеживались и в историографии других очагов сопротивления советской власти. При акцентировании внимания на политической истории и влияния интервентов были сделаны первые шаги в изучении аграрной и рабочей политики, отдельных северной и южной контрреволюции¹. Самым оригинальным исследованием этого периода стала монография А. Вишневецкого, посвященная законодательному регулированию социального страхования в России с дореволюционного периода до советской современности. Отдельные разделы автор посвятил анализу колчаковского и денкинского законодательства, которые оценивал, впрочем, достаточно критично, сопоставляя с советским, как более ориентированным на защиту интересов трудящихся².

Именно во второй половине 1920-х гг. сложились основные подходы, стереотипы и мифы советской историографии, происходило не только утверждение марксистско-ленинской методологии, но и «выдавливание» любых альтернативных оценок. Но говорить о полной закрытости и догматизации исторической науки в 1920-е гг. не приходится. В это время научные и научно-популярные журналы публиковали немало интересных документов по истории контрреволюции, в СССР выходили отдельные мемуары, написанные деятелями антибольшевистского движения, на эмигрантские издания историки откликались рецензиями и обзорами, публиковались законодательные акты и документы антибольшевистских правительств, в том числе и на востоке России³.

Этапы историографии никогда не складываются как жестко хронологически обозначенные, а «перетекают» из одного в другой. Этот процесс отразился в подготовке к изданию многотомника по истории Гражданской войны, которая к 1932 г. виделась как «история между литературой, наукой и политикой»⁴. В 1934–1935 гг. корректуру тома редактировал лично И. В. Сталин — явление, вполне отразившее стремительную утрату исторической наукой даже той относительной самостоятельности в первой половине 1930-х гг.

¹ Бунегин М. Ф. Революция и гражданская война в Крыму. Симферополь, 1927; Кин Д. Денкинцина. Л., 1927; Янчевский Н. А. Гражданская борьба на Северном Кавказе: в 2 т. Ростов н/Д, 1927. Т. 2. С. 75–125; Дрябкина Е. Грузинская контрреволюция. Л., 1928; Аграрная политика Врангеля // Красный архив. 1928. Т. 26; Милиц И. И. Английская интервенция и северная контрреволюция. М.: Л., 1931. С. 66–81, 173–238; и др.

² Вишневецкий А. Развитие законодательства о социальном страховании в России. М., 1926.

³ Пионтковский С. А. Гражданская война в России: хрестоматия. М., 1925.

⁴ Метафора принадлежит современным издателям первого тома М. В. Зеленову и Д. Бранденбергеру (см.: «История гражданской войны в СССР» (1935 г.): история текста и текст истории. М., 2017. С. 11).

С середины 1930-х до начала 1950-х гг. интенсивность исследования истории Гражданской войны в СССР резко снизилась. Круг изучаемых проблем и диапазон дозволенных оценок определялся «Кратким курсом истории ВКП(б)». Продолжалась серьезная разработка только военной проблематики, а в конце 1940-х — начале 1950-х гг. активно развернулось изучение интервенции. Но связь последней темы с начавшейся «холодной войной» предопределила пристрастность авторов¹. Даже движение бойскаутов и пропаганду спорта они предлагали воспринимать как растление российского народа и насаждение империалистической идеологии².

В документальных публикациях середины 1930-х — начала 1950-х гг. исследователи уделили особое внимание введению в научный оборот документов об интервенции, в том числе отражавших вмешательство иностранного командования в хозяйственные процессы и повседневную жизнь населения. Но они касались преимущественно европейской части бывшей Российской империи, тогда как азиатские территории минимально отражены в документальных публикациях³. Документальные издания имели скорее пропагандистский характер, часто публиковались без легенд, источниковедческого и археографического анализа, и только исторические журналы продолжали публиковать документы с предисловиями и комментариями в соответствии с принятыми в то время предисловиями и комментариями.

В середине 1950-х — 1960-е гг. опубликованы многочисленные сборники документов и мемуаров, освещающие борьбу за власть Советов как в Сибири в целом, так и в ее отдельных регионах. Публикуемые тексты тщательно подбирались, издавались с купюрами и отображали период крайне односторонне. В подборки включались источники о подполье и партизанском движении, а внутренняя политика органов власти и управления в антибольшевистский период оценивалась исключительно с позиции победившего лагеря. Но появление таких публикаций совпало с усилением исследований истории революции и Гражданской войны в Сибири, расширением их проблематики и источниковой базы.

¹ Рейхберг Г. Е. Разгром японской интервенции на Дальнем Востоке. М., 1940; Геронимус А. И. Помощь Соединенных Штатов Америки Колчаку // Исторические записки. 1949. № 29. С. 33–47; Мельчин А. И. Американская интервенция на советском Дальнем Востоке в 1918–1920 годах. М., 1951; Иванов С. Американские интервенты на советском Дальнем Востоке (1918–1920 гг.). Владивосток, 1951; он же. Американская агрессия на советском Дальнем Востоке. Владивосток, 1952; Гульга А., Геронимус А. Крах антисоветской интервенции США. М., 1952.

² См., например: Беляев Б. Крах американской агрессии в Сибири. Новосибирск, 1952. С. 29–32.

³ Интервенция на Севере в документах / подг. к печати И. Минц; ред. Ю. Бочаров. М., 1933; Японская интервенция 1918–1922 гг. в документах. М., 1934; Крах германской оккупации на Украине (по документам оккупантов). М., 1936; Крах германской оккупации на Псковщине. Пг., 1939. С. 200–201; и др.

В этот период вышел ряд обобщающих трудов по истории Гражданской войны в России в целом¹, в Поволжье², на Урале³, в Сибири⁴, на Дальнем Востоке⁵, в отдельных регионах⁶ и на национальных окраинах⁷. В них основное внимание по-прежнему уделялось советскому строительству, а в период падения советской власти — подпольному и партизанскому движению, забастовкам рабочих и антиколчаковским крестьянским восстаниям.

Документальные издания второй половины 1950 — начала 1980-х гг. по набору публикуемых источников ориентировались на заданную в обобщающих изданиях набору научных проблем и подходы к их освещению. История контрреволюции освещалась за редким исключением через документы коммунистической партии, подпольщиков и партизан, а также через источники, отражавшие борьбу контрреволюции с народными протестами. Преимущественно этому же набору проблем посвящалась основная масса специальных исследований.

Во второй половине 1950-х — первой половине 1980-х гг. продолжение исследований роли интервенции в событиях на востоке России стимулировалось «холодной войной» и в значительной мере определялось политико-идеологическими интересами. Роль интервентов в эти годы оценивалась как более значимая, чем роль внутренней контрреволюции. Даже в названии исторического периода интервенция ставилась впереди Гражданской войны. Исследования В. А. Боярского, С. С. Григорьевича, А. Х. Клеванского, С. Г. Лившица, М. И. Светачева и других авторов развивали ранее заложенные тенденции в историографии, нацеливались на доказательство зависимости антибольшевистских режимов от иностранной материальной и дипломатической поддержки. Более того, иностранные государства показаны

¹ История гражданской войны в СССР. М., 1958. Т. 3; 1959. Т. 4; 1960. Т. 5.

² Гражданская война в Поволжье: 1918–1920 гг. Казань, 1974; *Медведев Е. И.* Гражданская война в Среднем Поволжье. 1918–1919 гг. Саратов, 1974, и др.

³ Гражданская война и иностранная интервенция на Урале. Свердловск, 1969.

⁴ История Сибири. Л., 1968. Т. 4: Сибирь в период строительства социализма. С. 87–173.

⁵ *Шишкин С. Н.* Гражданская война на Дальнем Востоке. М., 1957; *Крушинов А. И.* Борьба за власть Советов на Дальнем Востоке и в Забайкалье. Владивосток, 1962; Героические годы борьбы и побед (Дальний Восток в огне гражданской войны). М., 1968.

⁶ Борьба за власть Советов на Алтае (исторический очерк). Барнаул, 1957. С. 198–347; *Мухарьямов М. К.* Гражданская война в Татарии (1918–1919 гг.). Казань, 1969; *Роцевский П. И.* Гражданская война в Зауралье. Свердловск, 1966; *Лучевников П. С.* Гражданская война на Южном Урале: 1918–1919 гг. Челябинск, 1958; *Капцугович И. С.* Прикамье в огне гражданской войны. Пермь, 1969; *он же.* История политической гибели эсеров на Урале. Пермь, 1975; и др.

⁷ *Сейфулин Х. М.* К истории иностранной интервенции и гражданской войны в Туве (1918–1921). Кызыл, 1956; *Аминев З. А.* Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Башкирии (1917–1919 гг.). Уфа, 1966; *Хантаев П. Т.* Бурятия в годы гражданской войны. Улан-Удэ, 1967; *Хантаев П. Т.* Борьба большевиков за установление советской власти в национальных районах Сибири. Улан-Удэ, 1977; *Покровский С. Н.* Разгром иностранных военных интервентов и внутренней контрреволюции в Казахстане (1918–1920 гг.). Алма-Ата, 1967; *Новгородцев А. И.* Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Якутии. Новосибирск, 1969; и др.

инициаторами Гражданской войны в России. Важно, что авторы активно использовали в своих исследованиях иноязычные источники и зарубежную историографию, показали противоречия в стане участников интервенции и обосновали мысль о том, что соперничество между интервентами существенно снизило сам эффект иностранного вмешательства и в то же время дестабилизировало ситуацию на востоке России¹.

В литературе стала упоминаться деятельность иностранных миссий Красного Креста и ряда других благотворительных организаций, главным образом американских. Но советские исследователи подчеркивали, что все они являлись лишь прикрытием интервенции². Тон большинства публикаций был сугубо обвинительный. Историки сообщали о лечении американцами раненых военных в колчаковских госпиталях, пропагандистской и шпионско-разведывательной деятельности американских благотворительных организаций, но умалчивали о помощи гражданскому населению.

Одним из центральных сюжетов стала история возникновения, трансформации и гибели антибольшевистских правительств. Ее исследование проводилось в рамках начавшегося в те годы изучения истории непролетарских партий, было проникнуто тоном обличения. Даже в заглавия выносились слова «банкротство» или «крах». Отдельные авторы изучали тыл

¹ Григорьевич С. С. Американская и японская интервенция на советском Дальнем Востоке и ее разгром. М., 1957; Боярский В. А. Вторжение империалистов США в Советскую Россию и его провал. М., 1961; Клеванский А. Х. Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус: чехословацкие политические организации и воинские формирования в России в 1914–1921 гг. М., 1965; Лившиц С. Г. Из истории империалистической интервенции в Сибири (1918–1919 гг.) // Вопросы новой и новейшей истории. Новосибирск, 1966. С. 46–72; *он же*. Из истории американской интервенции в Сибири. 1918–1919 гг. // Вопросы новой и новейшей истории: научные труды НГПИ. Новосибирск, 1969. Вып. 22. С. 3–25; *он же*. К истории английской интервенции в Сибири в 1918 г. // Вопросы новой и новейшей истории: уч. зап. БГПИ. Барнаул, 1972. Т. 19. С. 3–33; *он же*. Империалистическая интервенция в Сибири в 1918–1920 гг. Барнаул, 1979; *он же*. Политика Японии в Сибири. 1918–1920. Барнаул, 1991; Светачев М. И. Из истории борьбы трудящихся Приморья против экономической экспансии иностранных империалистов (Денежная реформа 1920 г.) // Ученые записки Хабаровского пед. ин-та. 1963. Т. 12. С. 55–69; *он же*. Империалистическая политика «помощи» и ее роль в антисоветской интервенции в Сибири в 1918–1919 гг. // Вопросы истории Дальнего Востока. Хабаровск, 1972. Вып. 2. С. 3–42; *он же*. Интервенция и сибирская контрреволюция (ноябрь 1917–1918 г.) // Вопросы истории Дальнего Востока. Хабаровск, 1973. Вып. 3. С. 10–89; *он же*. К вопросу о планах экономической экспансии США и Японии на Дальнем Востоке в 1918–1922 гг. // Из истории советского Дальнего Востока. Хабаровск, 1963. С. 25–35; *он же*. Начальный период иностранной интервенции в Сибири и на Дальнем Востоке (апрель — август 1918 г.) // Вопросы истории Дальнего Востока. Хабаровск, 1975. Вып. 5. С. 54–157; *он же*. О роли китайских милитаристов в антисоветской интервенции на Дальнем Востоке (1918–1922 гг.) // Новая и новейшая история. 1970. № 5. С. 36–48.

² Евтушевский А. Г. Идеологическая интервенция США на Дальнем Востоке и борьба с ней (1917–1922 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1980; Соскин В. Л. Очерки истории культуры Сибири в годы революции и гражданской войны. Новосибирск, 1965. С. 142–154; Привалова Е. А. В союзе с белогвардейской прессой. Американское Бюро печати в Советской России (1917–1920 гг.). М., 1990.

контрреволюции как новый аспект истории КПСС с опорой на крайне политизированные, а нередко и фальсифицированные историко-партийные источники¹. В монографиях и статьях В. В. Гармизы, К. В. Гусева, Г. З. Иоффе, С. Г. Лившица, А. Г. Липкиной, В. Н. Назимок, Л. М. Спирина, М. Е. Плотниковой впервые стали привлекаться, пока еще фрагментарно, документы лагеря контрреволюции². Но упомянутые публикации не содержали никаких принципиально новых подходов. Напротив, благодаря им в советской историографии окончательно утвердилось представление об антибольшевистских правительствах как монархических, буржуазно-помещичьих по своим социально-политическим устремлениям. Некоторые авторы определяли колчаковский режим даже как военно-феодальный³.

Упомянутые публикации не содержали принципиально новых подходов, усиливали характеристику антибольшевистских правительств как монархических, реакционных, антинародных. Но в советской историографии наметилась дискуссия о социальной базе колчаковского режима, завуалированная в споры о его общей характеристике. Для Сибири не подходила устоявшаяся в советской историографии дефиниция — буржуазно-помещичья диктатура, так как за Уралом не было помещичьего землевладения. А. Г. Липкина определяла колчаковский режим как военно-феодальный⁴, Г. З. Иоффе вслед за В. Н. Аверьевым охарактеризовал его как бонапартист-

¹ Гусев Г. В. Разгром Колчака. М., 1969; *он же*. История «демократической» контрреволюции в России. М., 1970; *он же*. Партия эсеров: от мелкобуржуазного революционизма к контрреволюции. М., 1975; *он же*. Крах меньшевизма в Советской России. Л., 1981; Лившиц С. Г. К истории Западно-Сибирского комиссариата // Вопросы истории. Барнаул, 1969. С. 69–93; Гармиза В. В. Крушение эсеровских правительств. М., 1970; *он же*. О некоторых общих закономерностях возникновения, деятельности и ликвидации эсеро-меньшевистских правительств // Банкротство мелкобуржуазных партий в России: 1917–1922 гг.: сб. науч. тр. М., 1977. Ч. I. С. 177–187; Липкина А. Г. 1919 год в Сибири. М., 1962; Плотникова М. Е. Роль Временного Сибирского правительства в подготовке колчаковского переворота // Сборник научных трудов исторических кафедр. Труды ТГУ. 1964. Т. 167. С. 51–68; *она же*. К истории эсеровской контрреволюции в Сибири в 1918 г. // Вопросы истории Сибири. Томск, 1969. Вып. 4. С. 172–188; *она же*. Колчак и эсеровская оппозиция // Вопросы истории Сибири. Томск, 1969. Вып. 4; Лившиц С. Г. К истории Западно-Сибирского комиссариата; *он же*. Временное Сибирское правительство // Вопросы истории. 1979. № 12. С. 98–107; Назимок В. Н. К истории так называемого «Временного правительства автономной Сибири» // Вопросы истории Сибири. Томск, 1970. Вып. 5. С. 18–24; Спирин Л. М. Классы и партии в гражданской войне в России (1917–1920 гг.). М., 1968; Бутенин Н. А. Крушение эсеро-меньшевистской контрреволюции на Дальнем Востоке (октябрь 1917 — ноябрь 1918 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1982.

² Папин Л. М. Крах колчаковщины и образование Дальневосточной республики. М., 1957; Резниченко А. Н. Борьба большевиков Сибири против меньшевиков и эсеров в 1917–1918 гг. М., 1959; Воробьева В. Я. Путь меньшевиков и эсеров Поволжья и Сибири от «чистой демократии» к колчаковской диктатуре // Ученые записки МГПИ им. В. И. Ленина. М., 1969. № 309. С. 339–376; *она же*. Крах меньшевистской контрреволюции Поволжья и Сибири в гражданской войне и иностранной интервенции: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1970; Шерстянников Н. А. Идеино-политический и организационный крах меньшевиков в Восточной Сибири: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1979.

³ См., например: Липкина А. Г. 1919 год в Сибири. С. 110.

⁴ Там же.

ский, осуществлявший балансирование между помещиками-офицерами и торгово-промышленным классом Урала и Сибири, В. А. Демидов — как военно-бюрократический¹. Особняком стоят исследования В. В. Сониной. В них анализируется нормативная база органов государственной власти дальневосточной контрреволюции, дана характеристика структуры и компетенции регионального государственного аппарата. Но они выполнены в формально-юридическом ключе и не рассматривают вопрос о реальной деятельности, о соответствии буквы закона реальной исторической картине².

В рамках изучения социально-политических процессов поволжские, уральские и сибирские исследователи пытались привести региональную историю в соответствии с общероссийской концепцией Гражданской войны. Для этого предстояло показать, что рабочий класс и беднейшее крестьянство всегда поддерживали большевиков и советскую власть, а временная победа контрреволюции обусловлена колебанием среднего крестьянства. Поэтому при изучении рабочего класса и профсоюзного движения исследователи обращали внимание только на забастовки и участие рабочих в деятельности антиколчаковского подполья, всячески подчеркивали связь рабочих с большевиками. Круг этих вопросов был рассмотрен в монографиях, диссертациях и статьях В. В. Гармизы, В. А. Кадейкина, Г. С. Куцего, В. А. Кучеряева³. Они написаны на внушительной источниковой базе. При этом основными источниками послужили доку-

¹ Демидов В. А. Октябрь и национальный вопрос в Сибири. 1917–1923 гг. Новосибирск, 1983.

² Сониной В. В. «Приамурское» буржуазное государственное образование («черный» буфер) и крах политики и практики контрреволюции в Приморье (май 1921 — октябрь 1922). Владивосток, 1974; *он же*. Великий Октябрь и становление советской государственности на Дальнем Востоке (1917–1922). Владивосток, 1987; *он же*. Становление Дальневосточной республики (1920–1922 гг.). Владивосток, 1990.

³ Гармиза В. В. Рабочие и большевики Среднего Поволжья в борьбе с Самарской учредилкой // Исторические записки. М., 1955. Т. 53. С. 29–49; *он же*. Из истории борьбы рабочих Сибири против «демократической» контрреволюции // История СССР. 1975. № 4. С. 120–131; Куцый Г. С. Из истории борьбы рабочего класса Дальнего Востока против интервенции и колчаковщины (июль 1918 — январь 1920 гг.) // Дальний Восток за 40 лет советской власти. Комсомольск-на-Амуре, 1958. С. 215–265; *он же*. Рабочий класс Дальнего востока в период Октябрьской революции, гражданской войны и иностранной интервенции. Март 1917 — март 1920 г.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1964; *он же*. Борьба рабочего класса Дальнего Востока против интервенции и внутренней контрреволюции. 1918–1920 гг. Владивосток, 1967; *он же*. Всеобщая забастовка рабочих Приморья весной 1919 г. // Ученые записки Дальневосточного гос. ун-та. Владивосток, 1975. Т. 101: Из истории рабочего класса и крестьянства Дальнего Востока. С. 15–21; Кадейкин В. А. Антирабочая политика Временного Сибирского правительства // Вопросы истории Сибири. Томск, 1969. Вып. 4. С. 148–161; *он же*. Забастовочное движение сибирских рабочих во второй половине 1918 года // Борьба за власть советов Сибири и на Дальнем Востоке. Томск, 1968. С. 114–143; Кучеряев В. А. Профсоюзы Восточной Сибири в борьбе с колчаковщиной // Россия и социально-экономическое развитие Сибири. Тобольск; Тюмень, 1982. Ч. 2. С. 16–17; *он же*. Деятельность большевиков в профсоюзах Восточной Сибири в годы гражданской войны. 1918–1920 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1983.

менты профсоюзных деятелей, воспоминания участников подполья и забастовочного движения, профсоюзная пресса. Обозначившиеся ранее в историографии подходы и оценки получили детализацию и развитие, оказались раскрыты на материалах Поволжья, Урала, Сибири и Дальнего Востока.

Естественно, интерпретация авторов советской эпохи сегодня нуждается во взвешенном использовании и критическом осмыслении. Общая идея советской историографии выражалась в характеристике рабочей политики антибольшевистских правительств как «антирабочей». Такой далекий от научности вывод все же не позволяет сбрасывать со счетов обилие фактического материала, в рамках иных подходов нуждающегося в гармоничной интерпретации.

Анализируя ситуацию в сибирской деревне, исследователи акцентировали внимание на так называемом восстановлении военно-политического союза рабочего класса и крестьянства. Речь шла о выяснении рубежа, после которого крестьянство перешло к открытому противостоянию контрреволюции. Проблема социальной политики государственной власти в деревне в советской историографии подменялась описанием мер государственного регулирования продовольственной, налоговой и земельной сфер. Другими интересовавшими исследователей сюжетами стали политические настроения деревни, отношение крестьян к антибольшевистским правительствам и к мобилизации в армию.

Предметом специального изучения стало положение такой специфической группы сельского населения, как казачество (военно-служилое сословие), что объяснялось его особой ролью в вооруженном противоборстве. Временное падение советской власти в середине 1918 г. не в последнюю очередь связано с тем, что подавляющая часть казаков встала под знамена Белой армии. Позиция казачества объяснялась главным образом большим по сравнению с крестьянами земельным наделом. Однако исследователи отметили и особые меры поддержки казаков со стороны государственной власти¹.

Вопрос об отношениях власти и буржуазии получил однозначную оценку в советских исследованиях. Даже социалисты Комуча обвинялись в выстраивании своей внутренней политики в угоду предпринимателям. Остальные государственные образования именовались буржуазными в силу одного лишь присутствия в их составе выходцев из партии кадетов («буржуазной» в интерпретации советских историков) или предпринимательских кругов.

¹ *Футорьянский А. И.* Казачество в период Октября и гражданской войны в советской историографии. М., 1969; *Ермолин А. П.* Революция и казачество (1917–1920 гг.). М., 1982; *Машиш М. Д.* Оренбургское и уральское казачество в годы гражданской войны. Саратов, 1984; *Хвостов Н. А.* Борьба большевиков за трудовое казачество на востоке страны (1917–1920 гг.). Красноярск, 1991.

Факты финансирования частных предприятий считались достаточным доказательством буржуазного характера внутренней политики. Однако вопрос рассматривался на особенно узкой и тенденциозной источниковой базе — преимущественно на высказываниях советских лидеров и документах антиколчаковского подполья, а анализ взаимодействия предпринимательских организаций с властью не проводился.

Советские историки медицины дали оценку состоянию здравоохранения в Сибири в 1918–1919 гг. Это был единственный подвергнутый рассмотрению аспект социальной политики, не связанный с классами российского общества. Особого внимания заслуживает монография Г. Х. Риппа, в которой работа медицинских служб колчаковского периода была изучена на основе архивных материалов¹. Несмотря на фрагментарность большинства сведений, им показаны масштабы работы медицинских учреждений, динамика развития эпидемиологических заболеваний, влияние внутриведомственных противоречий на функционирование системы здравоохранения. Г. Х. Рипп и другие советские авторы выдвинули тезис о критическом положении лечебной инфраструктуры и неспособности колчаковского правительства решать стоявшие перед ним задачи медицинского обслуживания населения.

Социальная политика антибольшевистских правительств в советской историографии исследовалась отрывочно и фрагментарно, исключительно в связи с анализом классовой составляющей внутренней политики, классовой природы самих органов власти. Более того, даже само выделение социальной политики в качестве самостоятельного направления считалось недопустимым. Тем не менее изучению подверглись отдельные аспекты темы: работа иностранных благотворительных миссий, рабочая политика, политика в отношении казачества и работа учреждений здравоохранения.

Как ни парадоксально, эмигрантская российская историография имела принципиально другую источниковую базу и не испытывала давления монопольной идеологии, тем не менее тематические приоритеты во многом оказались такими же, как в советской научной литературе. Первые исследования были проведены участниками событий. В фокусе внимания оказались военно-политические аспекты Гражданской войны, нашедшие отражение в обобщающих трудах общероссийского масштаба, а также посвященных специально восточной контрреволюции. А. И. Деникин определял социальную базу антибольшевистских режимов как буржуазную, относя к ней не только предпринимателей, но и средние слои города и интеллигенцию. С. П. Мельгунов с опорой на мемуарную литературу и периодику показал отсутствие единства и консолидации социально-политических сил в лагере

¹ Рипп Г. Х. Советская военная медицина во время гражданской войны и интервенции в Сибири (1918–1922 гг.). Новосибирск, 1987. С. 12–32.

восточной контрреволюции¹. Такое видение научной проблематики свойственно эмигрантской историографии не только востока России, но и других очагов антибольшевистского движения. Конечно, в наиболее детальных обзорах политической жизни и национально-государственного строительства украинских государственных образований оказались затронуты и проблемы рабочей и аграрной политики².

Дискуссии по поводу ключевых оценок политических процессов протекали без обращений к анализу социальной политики органов власти. Отдельные ее аспекты оказались затронуты только в статье С. М. Николаева, изложившего содержание законодательства Комуча³. Социальную политику автор трактует широко, включая в это понятие как мероприятия в сфере регулирования экономической жизни, так и взаимодействие правительства с основными группами населения. С. М. Николаев отмечает, что главной целью социальной политики Комуча являлось обеспечение интересов трудящихся, а ключевая особенность заключалась в принятии постановлений только после обсуждения с заинтересованными сторонами.

Эмигрантские исследователи воспринимали большевиков как узурпаторов и главных виновников Гражданской войны. Одна часть авторов, связанных главным образом с социалистическими партиями, исходила из того, что в 1918 г. в России удалось на короткое время создать легитимную демократическую государственность. Но борьба двух реакционных течений, сторонников большевистской и военной диктатур, не позволила социалистическим правительством удержать власть. Сторонники Белого движения считали, что распад российской государственности произошел в результате Февральской революции, и возродить ее можно было лишь с опорой на дореволюционную правовую традицию. Независимо от позиций, все исследователи, ориентированные на поиск комплекса причин, приведших в победе советской власти, признавали отсутствие у антибольшевистских правительств достаточных материальных ресурсов и интеллектуальных сил для решения острейших социальных проблем российского общества, что, несмотря на массовое недовольство населения действиями большевиков, свидетельствовало о слабости власти и отсутствии у нее широкой социальной опоры.

Что касается зарубежной историографии, то ее следует разделить на три потока. Первый — литература, изданная в странах, сформировавших

¹ Деникин А. И. Очерки русской смуты. Берлин, 1924. Т. 3: Белое движение и борьба добровольческой армии. Май — октябрь 1918 г.; Мельгунов С. П. Трагедия адмирала Колчака. Из истории гражданской войны на Волге, Урале и в Сибири: в 2 кн. М., 2005. Книга первая: Ч. I, II; Книга вторая. Ч. III.

² Христюк П. Записки і матеріали до історії української революції. У 4 т. Т. 2. Wien, 1921. С. 128–132; Т. 3. Wien, 1921. С. 41–62;

³ Николаев С. М. Политика Комуча // Гражданская война на Волге в 1918 году. Прага, 1930. С. 112–121.

воинские подразделения из числа военнопленных Первой мировой войны, прежде всего в Чехословакии (Чехии)¹, а также в Польше² и Сербии³. Большинство публикаций посвящено военной истории Чехословацкого легиона и его отдельных национальных частей. Существующие издания весьма детально описывают ход боевых действий корпуса, но также устройство быта и особенности взаимодействия с российским населением. Вместе с тем для Чехословакии история корпуса воспринимается как история возникновение национальной армии и даже генезиса новой государственности, поэтому роль западно- и южнославянских национальных формирований в российской Гражданской войне подается апологетически, а воздействие корпуса на политическую и хозяйственную жизнь востока России преподносится как исключительно благоприятное. То же можно сказать и о польской историографии.

Второй поток — это зарубежная историография истории Гражданской войны в России. Он, безусловно, самый большой по объему публикаций, среди которых наибольшее количество литературы издано на английском и японском языках. Большинство статей и монографических изданий посвящены Гражданской войне в России в целом, носят обзорный характер и рассматривают события на востоке России наряду с другими регионами⁴. В центре внимания исследователей находятся обстоятельства, приведшие к началу интервенции, ее ход и итоги⁵. Отдельные авто-

¹ *Klecenda V.* Operace československého vojska na Rusi v letech 1917–1920. Praha, 1921; *obrázková kronika československého revolučního hnutí na RUSI 1914–1920.* D. 3: Pod vedením prof. T. G. Masaryka. 1917–1918. Praha, 1926; D. 4: Anabese 1918–1920. Praha, 1929; *Kratochvíl J.* Cesta revoluce, Československé Legie u Rusku. Praha, 1923; *Skacel J.* Československá armáda v Rusku I Kolcak. Praha, 1926; *Muška J., Hořec J.* K uloze csl legie v Rusku. Praha, 1953; *Muška J., Hořec J.* K uloze československých legií v Rusku. Praha, 1954; *Vávra V.* Klamná cesta Příprava a vznik protisovětského vystoupení čs. legií. Praha, 1958; *Kvasnicka J.* Československá legie v Rusku 1917–1920. Bratislava, 1963; *Pichlík K., V. Vávra, J. Křížek.* Červenobílá a rudá: Vojáci ve válce a revoluci, 1914–1918. Praha, 1967; *Pichlík K., Klipa D., Zabloudilova J.* Českoslovenští legionáři (1914–1920). Praha, 1996; *Vacha D.* Zilot v legich Českoslovensii dobrovolši na Rusku 1914–1920. Disertanci práce. Ceske Budejovice, 2011.

² *Dmochowski T.* Interwencja mocstw na Syberii I Damekim Wschodzie (1918–1922). Toruń, 2001; *Wiśniewski J.* Korpus Czechoslowacki w Rusji 1917–1920: maszynopis. Toruń, 2006; *Вишневецкий Я.* Войско Польское в Сибири во время революции и Гражданской войны // Революционная Россия 1917 года и польский вопрос: новые источники, новые взгляды: сб. ст. российских и польских исследователей. М., 2009. С. 217–259.

³ *Понович Н. Б.* Срби у грађанском рату у Русији, 1918–1921. Београд, 2005.

⁴ *Ulmann R.* Intervention and the War. Princeton, 1950; *Footman D.* Civil War in Russia. L., 1961; *Silverlight M.* The Victors' Dilemma: Allied Intervention in the Russian Civil War. L., 1970; *Bradley J.* Civil War in Russia. 1917–1920. L., 1975; *Goldhurst R.* The Midnight War: the American Intervention In Russia, 1918–1920. N. Y., 1978; *Mawdsley E.* The Russian Civil War. Boston, 1987.

⁵ *Coates W. P., Coates Z. K.* Armed intervention in Russia. 1918–1920. L., 1935; *White J.* The Siberian Intervention. Princeton, 1950; *Manning C.* The Siberian Fiasco. N. Y., 1952; *Morley J.* The Japanese Trust into Siberia. 1918. N. Y., 1957; *Unterberger B.* American Siberian expedition. 1918–1920. Study of a National Policy. Durham, 1956; *Maddox R. J.* The unknown war with Russia: Wilson Siberian Intervention. San Rafael, California, 1977; *Bradley J.* Allied Intervention in Russia. London, 1968; *Carley M. J.* Revolution and Intervention: The French Government and the Russian Civil War, 1917–1919. Monreal-Kinshon,

ры проявляли интерес к изучению гуманитарных аспектов интервенции¹. Необходимо отметить, что британские, американские и французские исследователи ввели в научный оборот большой массив дипломатических документов. Информацию о динамике Гражданской войны в России они черпали также из эмигрантской историографии и восточноевропейской литературы о Чехословацком корпусе. Именно поэтому Гражданская война на востоке России западными историками часто представляется как столкновение Красной армии и Чехословацкого корпуса, с участием которого и связывают основные военные и политические события. Не случайно именно Чехословацкому корпусу посвящены многие исследования западноевропейских и американских исследователей². Наиболее полное и глубокое исследование европейской историографии чехословацких, польских и сербских воинских контингентов на востоке России провел А. М. Захаров³.

Следует подробнее остановиться на публикациях Дж. Смита, которые отличает фундаментальное знание литературы и источников, опубликованных за пределами России на разных языках, а также архивных коллекций, вывезенных за рубеж эмигрантами. Это позволило ему детально рассмотреть историю Гражданской войны на востоке России, включая отдельные аспекты экономической и социальной политики⁴. Монография Буше посвящена режиму атамана Г. М. Семенова в Восточном Забайкалье и основана на материалах, хранящихся в американских архивах⁵.

1983; *Kettle M.* Russia and the Allies. Vol. 2: The Road to Intervention, March — November 1918. L., 1988; *Connaughton R. M.* The Republic of the Ushakovka: Admiral Kolchak and the Allied Intervention in Siberia, 1918–1920. L., 1990.

¹ *Fice C. E.* The Influence of Creel Committee and the American Red Cross on Russian-American Relations, 1917–1919 // *The Journal of Modern history.* 1959. June. P. 93–105.

² *Bolton J.* Czech Tragedy. L., 1955; *Kenman G. F.* The Czechoslovak Legion // *Russian Review.* Vol. 16. 1957. № 4. P. 3–16; Vol. 17. 1958. № 1. P. 1–28; *Fic V.* Revolutionary war for independence and the Russian Question: Czechoslovak Army in Russia. 1914–1918. N.-Delhi, 1977; *Fic V. M.* The Bolsheviks and the Czechoslovak Legion: The Origin of their Armed Conflict (March — May 1918). N.-Delhi, 1978; *Fic V. M.* The Rise of the Constitutional Alternative to Soviet Rule in 1918: Provisional Government of Siberia and All-Russia: Their Guest for Allied Intervention. Part I–II. Boulder, N. Y., 1998; *Fic V. M.* The Collapse of American Policy in Russia and Siberia, 1918: Wilson's Decision not to intervene (March — October, 1918). Boulder, 1995; *Untetberger B. M.* The Unated States, Revolutionary Russia and the Rise of Czechoslovakia. Chapell Hill, L., 1989; *Mohr J. M.* The Czech and Slovak Legion in Siberia, 1917–1922. Jefferson, 2012.

³ *Захаров А. М.* «Двоюродные братья»: славянские добровольческие вооруженные формирования в России. СПб., 2019. С. 5–15.

⁴ *Smele J. D.* Labour condition and the collapse of the Siberian Economy under Kolchak // *Slavonic of the study Group on the Russian revolution.* Vol. 13. 1987. P. 31–60; *Smele J. D.* What Kolchak Wants!: Military Versus Polity in White Siberia. 1918–1920 // *Revolutionary Russia.* Vol. 4. (1991) № 1. P. 52–110; *Smele J. D.* Civil War in Siberia: The Anti-Bolshevik Government of Admiral Kolchak 1918–1920. Cambridge, 1996.

⁵ *Bisher J.* White Terror: Cossack Warlords Trans-Siberian. L., N. Y, 2005.

Отдельный поток историографии возник с распадом СССР и представлен исторической литературой, изданной в его бывших республиках после 1991 г. Огромный массив исследований и документальных публикаций в Казахстане на русском и казахском языках посвящен национальному (национально-освободительному) движению партии Алаш и государственному образованию Алаш-Орда, событиям Гражданской войны на территории современного Казахстана¹. На Украине появилось несколько публикаций об Украинском национальном движении на востоке России². В упомянутых изданиях затронуты отдельные аспекты социальных отношений в лагере восточной контрреволюции.

Вместе с тем нельзя не отметить, что в украинской историографии много сделано для изучения отдельных направлений социальной политики антибольшевистских и национальных правительств самой Украины в годы Гражданской войны. Рабочая и культурная политика отрефлексирована в специальных исследованиях³. Различные аспекты аграрной политики, в том числе и имущественные отношения в украинской деревне, изучены более детально⁴.

Советское, эмигрантское российское и зарубежное историографическое наследие весьма значительно, и без знакомства с его достижениями и недостатками трудно оценить масштаб качественного и количественного приращения исторического знания на постсоветском этапе исследований Гражданской войны, достижения эмигрантской и зарубежной историографии, которые во многом отталкивались от результатов советских исследований, даже полемизуя с ними.

Современный этап историографии отличался кардинальной сменой проблематики и исследовательских подходов. На второй план ушли проблемы истории коммунистической партии, партизанского и подпольного движения. Основной исследовательский интерес сосредоточился на истории антибольшевистского лагеря. Отличительной чертой современного этапа

¹ *Нурпеис К.* Алаш нэм Алаш-орда. Алматы, 1994; *Кольгейдиев М.* Алаш Козгалысы. Алматы, 1995; *Нурмаганбетова Р. К.* Движение Алаш и Алаш-Орда. Историография проблемы. 1920–1990-е годы XX века. Алматы, 2003; Алаш Козгалысы: кужаттар мен материалдар жинагы [Движение Алаш: сб. документов и материалов]. Алматы, 2004–2008. Т. 1–4; Алаш-Кийктары. Алматы, 2006. Т. 1–8.

² *Сергийчук В.* Східна діаспора. Зелений клин // Наука и суспільство. 1996. № 3–4. С. 12–16; *Сергийчук В.* Українська соборність. Відродження українства в 1917–1920 роках. Київ, 1999; *Траф'як М.* Український рух на Далекому Сході // Золоті ворота. 1993. Вып. 3. С. 46–71.

³ *Рейнт А. П.* Робітники України в 1917–1920 рр. (Соціально-політичні та економічні зміни): автореф. дис. ... д-ра іст. наук. Київ, 1994; *Андрусішин Б. І.* Радінична політика українських урядів (1917–1920 рр.): автореф. дис. ... д-ра іст. наук. Київ, 1997 и др.

⁴ *Дозовий В.* Аграрна політика Директорії УНР // Український історичний журнал. 1997. № 2. С. 78–76; *Пириг Р. Я.* Земельна реформа гетьмана Павла Скоропадського: спроби проведення та причини невдачі // Український історичний журнал. 2006. № 3; *Корнюченко С.* Аграрна політика білогвардійських урядів А. Денкіна, П. Врангеля на підконтрольних їм українських територіях (1918–1919-х рр.). Черкаси, 2008 и др.

исследований является обращение историков к багажу, содержащемуся не только в советской, но и в эмигрантской и зарубежной историографии. Переиздание мемуаров лидеров контрреволюции привело к некритичному воспроизводству во многих современных исследованиях эмигрантских оценок. Поэтому основную часть современных публикаций отличает методологическая эклектика.

Наибольшую активность исследователи проявили в реконструкции и переосмыслении событий политической борьбы на востоке России и в отдельных регионах Сибири и Дальнего Востока в годы Гражданской войны. Данной проблематике посвящены диссертации, монографии и большое количество статей В. А. Лапандина, В. В. Московкина, М. В. Шиловского, Ю. Н. Ципкина и ряда других авторов¹. В них суммировано все, что было известно в историографии. Принципиальным отличием является критическое восприятие советских исследований, опора большинства авторов на современные публикации и мемуарные свидетельства лидеров Белого движения. В большинстве исследований описывается общая канва событий, подчас

¹ *Куцый В. Ю.* Внутренняя контрреволюция в Приморье в заключительный период гражданской войны и интервенции на Дальнем Востоке (1920–1922 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1992; *он же.* Внутренняя контрреволюция в Приморье 1920–1922 гг. Владивосток, 1994; *Московкин В. В.* Противоборство политических сил на Урале и в Западной Сибири в период революции и гражданской войны (1917–1921 гг.). Тюмень, 1999; *Ципкин Ю. Н.* Белое движение на Дальнем Востоке (1920–1922 гг.). Хабаровск, 1996; *он же.* Белое движение на Дальнем Востоке России и его крах (1920–1922 гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1998; *он же.* Белое движение в России и его крах (1917–1922 гг.): учеб. пособие. Хабаровск, 2000; *он же.* Небольшевистские альтернативы развития Дальнего Востока России и период гражданской войны (1917–1922 г.). Хабаровск, 2002; *он же.* Антибольшевистские силы России в период Гражданской войны (1917–1922 гг.). Хабаровск, 2006; *Московкин В. В.* Противоборство политических сил на Урале и в Западной Сибири...; *он же.* Противоборство политических сил на Урале и в Зауралье в период революций и гражданской войны (1917–1921 гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Тюмень, 2004; *Кобзов В. С., Сичинский Е. П.* Государственное строительство на Урале в 1917–1921 гг. Челябинск, 1997; *Кобзов В., Шведов И.* Урал в период потрясений 1917–1921 гг. Челябинск, 2017; *Кокорулин В. Г.* Политические партии в борьбе за власть в Забайкалье и на Дальнем Востоке (октябрь 1917 — ноябрь 1922 г.). Новосибирск, 2002; *он же.* Белая Сибирь: борьба политических партий и групп (ноябрь 1918 — декабрь 1919 г.). Новосибирск, 2017; *Переверзев А. Я., Кулешов О. С.* Комуч, Директория, Колчак: антисоветский лагерь в Гражданской войне на востоке России в документальном изложении, портретах и лицах. Воронеж, 2003; *Бандурка В. Б.* Белое движение в Приморье (1920–1922 гг.). Историческое исследование: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2004; *Журавлев В. В.* Государственная власть сибирской контрреволюции (май — ноябрь 1918 г.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2004; *Бучко Н. П.* Военная элита Белого движения в Сибири и на Дальнем Востоке: идеология, программы и политика (1917–1922 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Хабаровск, 2006; *он же.* Военная элита Белого движения в Сибири и на Дальнем Востоке: идеология, программы и политика (1917–1922 гг.). Хабаровск, 2009; *Тимонин Е. И., Порхунев Г. А.* Борьба за власть: революция и контрреволюция в Сибири (1917–1922). Омск, 2007; *Штырбул А. А.* Политическая культура Сибири: опыт провинциальной многопартийности (конец XIX — первая треть XX века). Омск, 2008; *Штырбул А. А.* Покушение на Колчака. Историческое расследование. Омск, 2013; *Бутенин Н. А., Бутенина Н. Д.* «Демократическая контрреволюция» на Дальнем Востоке (конец 1917 — конец 1918 г.). Уссурийск, 2013; *Костогрызлов П. И.* Антибольшевистское движение на Урале в 1917–1918 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2013; *Прайсман А. Г.* Третий путь в Гражданской войне. Демократическая революция 1918 г. на Волге. СПб., 2015.

вопреки наименованию, выражающему претензию на изучение узкой проблемы (В. С. Кобзова и Е. П. Сичинского, Н. П. Бучко). Исследования Ю. В. Куцего и публикации Ю. Н. Ципкина, посвященные специально заключительному этапу Гражданской войны на Дальнем Востоке, основаны на солидной источниковой базе и вводят в научный оборот новый фактический материал, принципиально расширяя представления об этом периоде.

Вместе с тем отметим, что публикации А. Я. Переверзева и О. С. Кулешова, В. Д. Полканова, отдельные публикации В. А. Лапандина и В. Г. Кокоулина глубоко идеологизированы. Авторы воспроизводят аргументы большевиков и социалистов, их критику в адрес своих оппонентов как аргументы научного характера. Большинство публикаций В. Г. Кокоулина представляют собой обширные цитаты без кавычек из документов и периодической печати¹. В монографии Е. И. Тимонина и Г. В. Порхунова фактический материал является результатом реферирования мемуарных источников, советских и некоторых современных публикаций, но оценки целиком заимствованы из арсенала советских историков, главным образом 1920-х гг. Особо следует оговорить наличие публикаций А. В. Рогачева, С. В. Максимова, Н. Т. Иванова и П. В. Портнягина, не ориентирующихся в литературе и круге научных проблем, которые они пытаются обсуждать². Диссертационное исследование В. Б. Бандурка является в значительной мере компиляцией из работ предшественников, заимствованных дословно или в пересказе с воспроизведением сносок, хотя виден и некоторый авторский вклад, и собственное видение изучаемой проблемы.

В последние годы обращено внимание на более узкие проблемы формирования и функционирования государственного аппарата и внутренней политики, проводимой органами власти и управления в антибольшевистском лагере. Началась публикация законодательных актов и документов, отражающих деятельность антибольшевистских правительств, некоторые из которых сопровождаются развернутыми комментариями. В монографиях и статьях В. А. Кожевникова, В. Ж. Цветкова, В. Г. Медведева и А. Н. Ники-

¹ См. детальный разбор его многочисленных изданий: *Ларьков Н. С.* Количество без качества, или Снова «в кроссовках по истории» // Вестник Томск. гос. ун-та. Сер.: История. 2015. № 2 (34). С. 125–128. Рец. на кн.: *Кокоулин В. Г.* «Демократическая контрреволюция»: Сибирь, Поволжье, Урал (май — ноябрь 1918 г.). Новосибирск, 2014; *Журавлев В. В., Рышков В. М., Симонов Д. Г.* За пределами науки: по страницам имитационной историографии // Российская история. 2016. № 6. С. 229–234; *Базаров Б. В., Курас Л. В.* «Белая Сибирь» в зеркале современной российской историографии, или Покушение на историю // Гуманитарные науки в Сибири. 2018. № 1. С. 111–115. Рец. на кн.: *Кокоулин В. Г.* Белая Сибирь: борьба политических партий и групп (ноябрь 1918 — ноябрь 1919 г.). Новосибирск: Овсет-ТМ, 2017.

² *Иванов Н. Т., Портнягин П. В.* Гражданская война в Восточной Сибири. Иркутск, 1999; *Рогачев А. С., Максимов С. В.* Динамика и модернизация российских социально-политических и экономических процессов в 1917–1918 годах на историческом поле Сибири. Красноярск, 1999; *Рогачев А. Г.* Альтернативы российской модернизации: сибирский аспект (1917–1925 годы). Красноярск, 2008.

тина, Д. А. Ляхова, В. И. Шишкина, В. Л. Землянского, Ф. А. Попова И. А. Потемкина и А. Ю. Климова и других авторов дан историко-правовой анализ функционирования высших органов власти на востоке России в 1918–1919 гг.¹ В диссертации и статьях Е. А. Плешкевича проанализированы проблемы государственного строительства на Урале в 1918 г.²

В современное российской историографии активно изучалась также политическая история и государственное строительство в Северной области, в Крыму, в казачьих областях Дона и Кубани. Но вся совокупность государственных образований Юга России и его политическая жизнь изучена слабо. В этом отношении восток России выделяется как политическое и административное пространство, наиболее исследованное в современной российской исторической науке.

В течение двух последних десятилетий обнаружился чрезвычайно высокий интерес к военной истории Гражданской войны, породивший много-

¹ *Медведев В. Г.* Политико-правовая организация антисоветских государственных образований в годы гражданской войны в России. Ульяновск, 2001; *он же.* Политико-правовая организация антисоветских государственных образований в Поволжье и Сибири в годы гражданской войны и иностранной интервенции: 1918–1920 гг.: дис. ... д-ра юрид. наук. Ульяновск, 2004; *он же.* Органы власти и законодательство антисоветских государственных образований «белой» России в годы Гражданской войны. М., 2014; *Кожневников В. А.* Государственное устройство России в планах антибольшевистских оппозиций (1917–1922 гг.). Воронеж, 2003; *Никитин А. Н.* Государственность «белой» России: становление, эволюция, крушение: 1918–1920 гг.: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2007; *Цветков В. Ж.* Белое дело в России. 1917–1918 г. (формирование и эволюция политических структур Белого движения в России). М., 2008; *он же.* Белое дело в России. 1919 (формирование и эволюция политических структур Белого движения в России). М., 2009; *он же.* Формирование и эволюция политического курса Белого движения в России в 1917–1922 гг.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2010; *он же.* Белое дело в России. 1919–1922: формирование и эволюция политических структур Белого движения в России. М., 2013. Ч. 1; М., 2016. Ч. 2; *Ляхов Д. А.* Небольшевистские модели политического устройства Дальнего Востока (конец 1919 — 1922 г.) Хабаровск, 2015; *Шишкин В. И.* Из истории формирования Совета министров Временного Всероссийского правительства (октябрь 1918 года) // Вестник Новосибирского гос. ун-та. Сер: История, филология. 2007. Т. 6. Вып. 1: История. С. 209–217; *он же.* Западно-Сибирский комиссариат Временного Сибирского правительства: дискуссионные проблемы образования и деятельности // Проблемы истории государственного управления и местного самоуправления Сибири в конце XVI — начале XXI в.: материалы XVII Всерос. науч. конф. Новосибирск, 2011. С. 103–119; *Потов Ф. А.* Образование земской государственности Приморья (январь — апрель 1920 г.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 9 (71). С. 170–175; *он же.* Приамурское Народное собрание в 1921–1922 гг.: порядок комплектования и правовой статус // История государства и права. 2016. № 10. С. 25–31; *Землянский В. А.* Временное народное собрание Дальнего Востока и разрешение вопроса о присоединении Приморской области к Дальневосточной республике // Вестник Сургутского университета. 2015. № 4 (10). С. 36–41; *он же.* Приамурский земский собор: создание, структура и заседания Представительного органа Приамурского государственного образования // XX век и Россия: общество, реформы, революции [Электронный ресурс]: сб. Вып. 8. Самара, 2020. С. 77–86. URL: /http://sbornik.libsmg.ru/; *Потемкин И. А., Климов А. Ю.* Органы внутренних дел антибольшевистских правительств в годы Гражданской войны. М., 2020; и др.

² *Плешкевич Е. А.* Органы государственной власти и управления правительства «демократической контрреволюции» и диктатуры А. В. Колчака на Урале (1917–1919 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2002.

численную литературу о Белой армии. Наряду с собственно военными действиями, ключевое внимание в ней уделяется управлению, комплектованию, снаряжению армии¹.

Появилась обширная современная литература об известных военно-политических лидерах на востоке России, в которой затрагивается широкий круг вопросов государственного строительства, разрешения внутривнутриполитических противоречий, включая монографии В. И. Василевского об атамане Г. М. Семенове, А. В. Ганина — об атамане А. И. Дутове и др.² Последняя дает системную картину вооруженной борьбы с советской властью и внутренней жизни оренбургского казачьего войска. История казачества — вообще одно из самых динамично разрабатываемых направлений в историографии. Появились новые публикации М. Д. Машина и В. С. Семьянинова об Оренбургском и Уральском казачьем войске, В. А. Шуддякова — о Сибирском казачьем войске, С. Н. Савченко — об Уссурийском казачьем войске и монография В. И. Василевского о Забайкальском казачьем войске. О Бийской линии — одном из отделов Сибирского казачьего войска — написана монография, а по истории Енисейского казачества, весьма малочисленной группе казаков, только в период Гражданской войны организовавшей свое отдельное войско, защищена диссертация, опубликована монография³.

На фоне детально освещенных вопросов военной организации и персонального участия в Белом движении лидеров казачества многие сюжеты, связанные с хозяйственной жизнью, управлением казачьими войсками, взаимодействием казачьей организации с населением, остаются изученными слабо. Как полагает В. А. Шуддяков, казаки азиатской части России в подавляющем большинстве обеспечивали поддержку антибольшевистским режимам в Гражданской войне, несли громадные жертвы, несоизмеримо

¹ *Константинов С. И.* Вооруженные формирования антибольшевистских правительств Поволжья, Урала и Сибири в годы гражданской войны. Екатеринбург, 1998; *Варламова А. Н.* Военное управление правительства А. В. Колчака: попытки сохранения имперской традиции: дис. ... канд. ист. наук. М., 1999; *Волков Е. В.* Колчаковские офицеры: опыт исторического исследования. Челябинск, 2001; *Каревский А. А.* Военное строительство правительств «демократической контрреволюции» в Поволжье, на Урале и в Сибири. Зима — осень 1918 г.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2001; *Новиков П. А.* Гражданская война в Восточной Сибири. М., 2005; *Симонов Д. Г.* Белая сибирская армия в 1918 году. Новосибирск, 2010.

² *Василевский В.* Забайкальская белая государственность в 1918–1920 годах: краткие очерки истории. Чита, 2000; *Ганин А. В.* Атаман А. И. Дутов. М., 2006; *Ларьков Н. С.* Сибирский белый генерал. Томск, 2017; *Бринюк Н. Ю.* Владимир Каппель: Биография эпохи. СПб., 2018; и др.

³ *Машина М. Д.* Оренбургское и уральское казачество...; *Машина М. Д., Семьянинов В. С.* Вооруженная борьба трудящихся Южного Урала против внутренней и внешней контрреволюции. Иркутск, 1991; *Шуддяков В. А.* Гибель Сибирского казачьего войска. 1917–1920. М., 2004. Т. 1–2; *Исаев В. В.* Казачество Бийской линии в революции и гражданской войне: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2004; *он же.* Казачество Бийской линии в революции и гражданской войне. Барнаул, 2004; *Богучицкий А. Е.* Енисейское и иркутское казачество в 1917–1925 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Абакан, 2007; *Василевский В. И.* Забайкальское казачье войско в годы революции и гражданской войны. Чита, 2007; *Тарасов М. Г.* Енисейское казачество в годы Гражданской войны. 1917–1922 гг. М., 2011.

большие по сравнению с другими сословиями. Но эта самоотверженность была проигнорирована властью, лишь на словах восхвалявшей ратные подвиги казачества, но ничего не сделавшей для облегчения положения борцов. В обоснование данной позиции В. А. Шуддяковым проанализированы меры по социальной поддержке сибирского казачества со стороны Временного Сибирского и Российского правительств и показана их недостаточность¹. К другим оценкам пришел А. В. Ганин, изучавший положение Оренбургского казачьего войска. В его трактовке заявления о жертвах казачества в значительной мере имели пропагандистский характер и были призваны заставить Российское правительство компенсировать материальные потери казаков, обычно сильно преувеличенные. Причем центральная власть удовлетворила многие претензии оренбургских казаков, но воздержалась от чрезмерных трат.

Обращает внимание более детальное изучение истории армии, биографии военных лидеров Юга России. Нет возможности не только анализировать, но даже перечислять многочисленные публикации, посвященные упомянутым темам. Но сколь бы не была обширна историография, посвященная военной и военно-политической истории южной контрреволюции, в ней тоже слабо исследованы социальная политика по отношению к военнослужащим, воздействие армии на систему управления населением. В этом смысле историографические приоритеты исследователей разных очагов антибольшевистского движения совпадают.

Наиболее изучаемой представляется проблематика, связанная с национальными движениями. Д. А. Аманжолова посвятила свои исследования казахскому национальному движению², Б. В. Базаров, В. В. Бабаков, В. А. Демидов и В. В. Демидов, Л. Б. Жабаева, Ж. Цэцэгма — бурятскому³, И. В. Нам, Н. И. Наумова, В. В. Романова — еврейскому⁴, Н. У. Ишемгулов, М. М. Кульшарипов и другие — башкирскому, В. А. Черномаз — украинскому⁵. Вы-

¹ Шуддяков В. А. Гибель сибирского казачьего войска ... С. 133–136, 140–141, 329–330, 332, 353, 366–371.

² Аманжолова Д. А. Казахское движение Алаш и Россия. М., 1995; она же. На изломе: Алаш в этнополитической истории Казахстана. Алматы, 2009.

³ Демидов В. А., Демидов В. В. Бурятия: от степных дум к автономии. Новосибирск, 2001; Жабаева Л. Б. Элбек-Жоржи Ринчино и национально-демократическое движение монгольских народов. Улан-Удэ, 2001; Цэцэгма Ж. Бурятская национальная интеллигенция и становление монгольского государства в первой трети XX в. Улан-Удэ, 2006; Базаров Б. В., Жабаева Л. Б. Бурятские национальные демократы и общественно-политическая мысль монгольских народов в первой трети XX века. Улан-Удэ, 2008; Бабаков В. В. Национально-государственное строительство в Бурятии в 1917–1919 гг. Улан-Удэ, 2012.

⁴ Нам И. В., Наумова Н. И. Еврейская диаспора Сибири в условиях смены политических режимов (март 1917 — февраль 1920 г.). Красноярск, 2003; Романова В. В. Власть и евреи на Дальнем Востоке России: история взаимоотношений (вторая половина XIX — 20-е годы XX в.). Красноярск, 2002.

⁵ Кульшарипов М. М. З. Валидов и образование Башкирской Автономной Советской республики (1917–1920 гг.). Уфа, 1992; он же. Национальное движение башкирского народа (1917–1922 гг.): авто-

шедшая в столице коллективная монография по этой тематике базируется на узкой источниковой базе, отличается слабым знакомством авторов с историографией, не соответствует современному уровню исследований этноисторической проблематики в период Гражданской войны¹. Иное впечатление производят монографии и диссертации И. В. Нам и А. В. Сушко. Они написаны на основе солидной источниковой базы, охватывают широкий спектр аспектов, связанных с национальными движениями на востоке России². И. В. Нам затрагивает проблему экстерриториальных народов, А. В. Сушко — коренных народов Сибири. Но авторы изучают национальные движения как «вещь в себе», протекающие по особым внутренним законам и наделенные своей собственной логикой. Любые факторы, тормозившие свободное развитие национальных движений, ими оцениваются как негативные. Исследователи не пытаются осмыслить место национальных движений в общественной системе эпохи революций, его взаимосвязи и взаимовлияние с обществом и государством в целом. Данная А. В. Сушко характеристика национальных движений сибирских народов как «суверенизации» и отнесение областничества, алтайского, якутского, бурятского и казахского движений к явлениям одного типа является крайне спорным утверждением, не обоснованным в его исследованиях.

Продолжено изучение общественно-политической жизни, в рамках которого основное внимание продолжает концентрироваться на политических партиях. Деятельность сибирских эсеров отражена в публикациях А. В. Добровольского, роль анархистов Сибири в событиях Гражданской войны — А. А. Штырбула³. Влияние эсеров и меньшевиков на политические процессы на Дальнем Востоке рассмотрено в монографии В. Л. Кузьмина и Ю. Н. Ципкина⁴, в Сибири — в публикациях Е. В. Васильевой и В. Г. Хандорина. Двое последних посвятили специальные исследования персональ-

реф. дис. ... д-ра ист. наук. Уфа, 1998; *он же*. Башкирское национальное движение (1917–1921 гг.). М., 2000; *Ишемгулов Н. У.* Башкирское национальное движение 1917–1921 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Уфа, 1996; *Касимов С. Ф.* Автономия Башкортостана: становление национальной государственности башкирского народа (1917–1925 гг.). Уфа, 1997. С. 3–137; *Черномаз В. А.* Украинское национальное движение на Дальнем Востоке (1917–1922 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2005; *он же*. Украинское национальное движение на Дальнем Востоке (1917–1922 гг.). Владивосток, 2009; *Багаутдинов Р. О.* Участие башкир в белом движении (1917–1920 гг.). Уфа, 2009.

¹ Белое движение и национальный вопрос в России / под ред. В. Т. Тормозова. М., 2009.

² *Нам И. В.* Национальные меньшинства Сибири и Дальнего Востока на историческом переломе (1917–1922 гг.). Томск, 2009; *Сушко А. В.* Процессы суверенизации народов Сибири в годы Гражданской войны. Омск, 2009.

³ *Штырбул А. А.* Анархистское движение в Сибири в первой четверти XX в. Омск, 1996. Ч. 2: 1918–1925 гг.; *он же*. Гражданская война и анархисты Сибири (1918–1920 гг.) // Из истории революций в России (первая четверть XX в.). Томск, 1996. Вып. 2. С. 28–32; *Добровольский А. В.* Эсеры в Сибири во власти и в оппозиции. Новосибирск, 2002.

⁴ *Кузьмин В. Л., Ципкин Ю. Н.* Эсеры и меньшевики на Дальнем Востоке России в период Гражданской войны 1917–1922 гг. Хабаровск, 2005.

ному участию кадетов в органах власти и управления, влиянию их партийных доктрин и тактики на формирование политического курса сибирской контрреволюции¹. Среди прочих проблем достаточно детально исследована деятельность эсеров и кадетов на востоке России по рабочему вопросу².

Современная историография позволяет детально и разносторонне реконструировать общественно-политический контекст изучаемых событий. Однако на фоне возросшего интереса к истории антибольшевистского лагеря, кардинального роста числа публикаций о его восточной ветви результаты исследования социальной политики в целом и его отдельных направлений представляются более чем скромными, оказавшись «загнанными» на периферию исследовательского внимания.

В современной российской историографии было продолжено начатое советскими исследователями изучение рабочей политики. Но исследования рабочей политики либо ограничивались малоформатными тезисами³, либо затрагивали проблему в рамках более общей темы⁴. В. А. Лапандин по-новому трактует взаимоотношения рабочих организаций и Комуца, указывая на сохранение реальных условий для продолжения и даже развития деятельности профсоюзных организаций. Власть старалась привлекать их к обсуждению ключевых социально-экономических проблем и принятию решений. Д. О. Чураков проанализировал природу массовых протестных выступлений в Советской России и рассмотрел в качестве уникального опыта деятельность руководящих органов Ижевско-Воткинского восстания. Его исследование, однако, во многом вторично и базируется преимущественно на мемуарной литературе. Авторы исходили из принципиально иного понимания природы государства, допуская, что оно способно стать надклассовым арбитром в противостоянии буржуазии и пролетариата, но при условии поддержания или восстановления нормального уровня производства. Сле-

¹ Хандорин В. Г. Идеино-политическая эволюция либерализма в Сибири в период революции и Гражданской войны. Томск, 2010; *он же*. Идеино-политическая эволюция либерализма в Сибири в период революции и Гражданской войны (1917–1920 гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 2011; Васильева Е. В. Программные установки и политическая практика кадетов: май 1918 — январь 1920 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2011.

² Хандорин В. Г. Позиция сибирских кадетов по рабочему вопросу в годы революции и гражданской войны // Вестник Восточной экономико-юридической академии. 2010. № 6. С. 44–50; Добровольский А. В. Рабочий вопрос в тактике правых эсеров Сибири в период колчаковщины // Вестник Кемеровского университета. 2015. № 2–6 (62). С. 237–240.

³ Макаручук С. В. Социал-демократы и рабочий вопрос при «белых» правительствах Сибири // История «белой» Сибири: тез. второй науч. конф. Кемерово, 1997. С. 28–32; Дмитриев Н. И. Из истории министерства труда Российского правительства адмирала А. В. Колчака // История белой Сибири. Кемерово, 1999. С. 107–110.

⁴ Лапандин В. А. Комитет членов учредительного собрания: структура власти и политическая деятельность. Самара, 2003. С. 118–120; Чураков Д. О. Революция, государство, рабочий протест: формы, динамика и природа массовых выступлений рабочих в Советской России 1917–1918 гг. М., 2004. С. 290–326.

дует выделить диссертацию О. Ю. Никоновой. В ней положение на Урале рассмотрено на обширной и разнообразной источниковой базе, даны оригинальные и взвешенные оценки основным мероприятиям уральских властей по отношению к рабочему классу¹.

Изменилась историографическая ситуация в вопросе о взаимодействии органов власти и буржуазии. В современной научной литературе поставлена проблема темпов денационализации и особенностей ее проведения в разных отраслях экономики, показано, что действия власти по урегулированию проблем собственности порождали сложные и подчас конфликтные отношения с предпринимателями². В монографии М. К. Шаццлло значительное внимание уделяется восточному лагерю контрреволюции³. Его исследование отличает привлечение первоисточников — документов предпринимательских организаций, что позволило дать более взвешенную оценку изучаемой проблеме. Автор ввел в научный оборот богатый фактический материал о попытках создать единую сеть предпринимательских организаций на востоке России, проследил персональное участие известных предпринимателей в политической жизни. М. К. Шаццлло показал, что одной из причин активного диалога предпринимательских организаций и власти стало решение рабочего вопроса. В ходе его обсуждения буржуазия указывала на необходимость создать рентабельное производство путем ужесточения производственной дисциплины и сокращения издержек частных собственников. Однако сам анализ рабочей политики Временного Сибирского и Российского правительств остался поверхностным, хотя и дан в монографии с позиций предпринимательских кругов, что само по себе уже ново. Значительную часть объемного повествования занимают детальные описания хода нескольких предпринимательских съездов. Исследователь не привлекал богатейший архивный и газетный материал о жизни местных предпринимательских организаций, характеризующий в том числе их взаимодействие с профсоюзами, кооперацией, местными органами власти и управления⁴.

¹ Никонова О. Ю. Социально-экономическая политика «демократической» контрреволюции и диктатуры Колячки на Урале (1918–1919 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 1996. С. 132–196.

² Дмитриев Н. И. Новый подход к проблеме денационализации белогвардейскими властями промышленности и транспорта на востоке России // Исторический опыт освоения восточных районов России. Владивосток, 1993. Кн. 3. С. 46–48; Рышков В. М. Проблема частной собственности в экономической политике «белых» правительств Сибири: законодательство и практика // История «белой» Сибири. Кемерово, 1997. С. 87–90; он же. Восстановление прав собственников антибольшевистскими правительствами на востоке России (лето 1918 — 1919 г.) // Гуманитарные науки в Сибири. Новосибирск, 2004. № 2. С. 12–15.

³ Шаццлло М. К. Российская буржуазия в период Гражданской войны и первые годы эмиграции. 1917 — начало 1920-х годов. М., 2008. С. 53–153.

⁴ Более подробный анализ данной монографии см.: Рышков В. М. [Рецензия] // Гуманитарные науки в Сибири. 2010. № 2. С. 109–110. Рец. на кн.: Шаццлло М. К. Российская буржуазия в период Гражданской войны и первые годы эмиграции (1917 — начало 1920-х гг.). М., 2008.

Служащие, да и то лишь отдельные группы, стали интересовать историков в последние годы. Между тем административный аппарат — один из важнейших атрибутов любого государства. Он же составляет ядро его социальной базы — служащие поддерживают действия государства наиболее последовательно. Вполне естественно, что антибольшевистские правительства заботило в первую очередь материальное положение работников государственных предприятий и учреждений. Это вписывалось в дореволюционную практику повышенной заботы государства о чиновниках и даже перекликалось с советским опытом их снабжения. Поразительно, что в отечественной историографии пристально изучался быт и материальное положение дореволюционного чиновничества и других отрядов служащих, в последнее время активно исследовалась советская номенклатура. Но практически вне фокуса внимания осталось положение государственных служащих в антибольшевистский период Гражданской войны, если не считать упоминания этой проблемы в монографии В. Д. Зиминой, более детального исследования материального положения работников органов милиции и суда в публикациях С. П. Звягина и М. М. Степанова (повторенных и в исследованиях В. А. Медведева), работников сферы образования — в статьях и диссертациях Е. Г. Михеенкова, И. Н. Мамкиной¹. Диссертации, монографии и статьи Г. Г. Губсковой, С. А. Кочуриной, Н. В. Хисамутдиновой, К. А. Чеховских, Е. Ф. Кузьминовой, И. Н. Мамкиной рассматривают различные направления образовательной политики. Эти работы отличает внимание к нормативной базе анализируемых проблем, обширное использование делопроизводственной документации. В них достаточно подробно изучено материальное положение учительского и преподавательского состава².

¹ *Степанов М. М.* Органы внутренних дел белых правительств периода гражданской войны в России: дис. ... канд. юр. наук. М., 1998. С. 73–79; *Зиминая В. Д.* Белое движение и российская государственность в период гражданской войны. Волгоград, 1997. С. 440; *Звягин С. П.* Правоохранительная политика А. В. Колчака. Кемерово, 2001. С. 79–80, 188–194; *Михеенков Е. Г.* Научно-педагогическая (вузовская) интеллигенция Томска в годы революции и Гражданской войны. Томск, 2002. С. 37–39.

² *Чеховских К. А.* Народное образование на Алтае осенью 1917 — весной 1921 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1997; *Войтеховская М. П., Кочурина С. А.* Томский учительский институт: возвращенная история. 1902–1920. Томск, 2002; *Кочурина С. А.* Учительские институты в Западной Сибири и их роль в подготовке педагогических кадров (1902–1920 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2005; *Губскова Г. Г.* Власть и образование на Южном Урале накануне, в период революции 1917 года и гражданской войны: дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2003; *Михеенков Е. Г.* Участие вузовской интеллигенции г. Томска в работе комиссий частного совещания и секций Сибирской областной думы (лето — осень 1918 г.) // Труды Томского областного краеведческого музея. Томск, 2002. Т. 12. С. 115–121; *он же.* Научно-педагогическая (вузовская) интеллигенция ... С. 37–39; *Мышанский А. А.* Органы местного самоуправления Сибири в период гражданской войны (июнь 1918 — январь 1920 г.): дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2004. С. 119–134; *Кузьминова Е. Ф.* Сибирские высшие женские курсы в г. Томске (1910–1920 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2006; *Мамкина И. Н.* Забайкальские учительские семинарии (1900–1921 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Чита, 2006; *она же.* Забайкальские учительские семинарии (1900–1921 гг.). Чита, 2008; *Хисамутдинова Н. В.* Высшее образование на Дальнем Востоке в годы гражданской войны // Вопросы истории. 2010. № 9. С. 138–141.

В исследованиях упомянутых авторов, а также публикациях ряда других современных историков¹ также много внимания уделено проблеме взаимодействия власти и интеллигенции, образовательной политике органов государственной власти антибольшевистских правительств, влиявшей на взаимодействие власти с крупнейшими группами интеллигенции — учителями, преподавателями средних и высших учебных заведений, лицами творческих профессий.

Социальное положение сельского населения осталось практически вне поля зрения исследователей. Лишь в диссертации А. А. Мышанского поднят вопрос о социальной поддержке деревни. Автор описал меры по организации земствами и развитию медицинской, ветеринарной, агрономической помощи деревне. Но предмет исследования не позволил ему уделить достаточно внимания участию органов государственной власти в этой работе. В диссертации А. А. Мышанского преувеличены успехи земской социальной работы, некритично воспроизведены положения из отчетной документации².

На рубеже XX–XXI вв. исследователи в целом отошли от анализа социальной политики как деятельности, ориентированной на взаимодействие с отдельными группами населения, и сосредоточились на изучении деятельности органов власти по решению острых социальных проблем. Важнейшим шагом к этому стало появление монографии И. В. Нарского, в которой такие проблемы, как бедность, безработица, беженство, эпидемии, были четко обозначены, поставлены в один ряд с проблемами борьбы за власть, насилия и террора и применительно к Уралу на уровне первого приближения успешно решены³. Исследование И. В. Нарского свидетельствовало о процессе перехода к изучению совершенно новой для отечественной историографии научной проблематики, а во многом и стимулировало такой переход. Современные российские исследователи обратились к анализу медицинского обслуживания населения на востоке России, приступили к изучению проводимых органами государственной власти мер по оказанию социальной помощи беженцам, благотворительной деятельности и роли правительственных органов в ее организации. Это свидетельствует о постепенно меняющихся представлениях историков о спектре социальных проблем, решаемых властью в антибольшевистском лагере.

¹ Кальсина А. А., Шестова Т. Ю. Развитие образования и здравоохранения в Пермской области в период Первой мировой и Гражданской войн. Пермь, 2011; Кальсина А. А. Становление и развитие единой государственной школы на Среднем Урале (1917–1931 годы). Пермь, 2011; Селянинова Д. Г. Интеллигенция Урала в период «демократической контрреволюции» и при режиме А. В. Колчака: июнь 1918–1919 гг. Пермь, 2012.

² Мышанский А. А. Органы местного самоуправления Сибири... С. 102–128.

³ Нарский И. В. Жизнь в катастрофе: будни населения Урала в 1917–1922 гг. М., 2001.

В последние годы в круг внимания исследователей попали новые проблемы: медицинское обслуживание населения на востоке России, меры органов государственной власти по оказанию социальной помощи беженцам, благотворительность и роль в ее организации правительственных органов.

Целый спектр проблем, включая организацию военно-медицинских учреждений и осуществление социальных и пенсионных выплат, помощь семьям призванных в период контрреволюции, рассмотрел Ю. П. Горелов в серии статей и монографии¹. Ему принадлежит приоритет в разработке этой проблематики, ранее упорно игнорировавшейся отечественными историками. Позитивным обстоятельством следует признать анализ данной проблемы в более широких хронологических рамках 1914–1918 гг., что позволило ему выявить преемственность ряда направлений социальной политики. Однако он отказался учитывать, что с завершением Первой мировой войны состояние войны для России не завершилось, а продолжалось еще несколько лет. Поэтому в принятых им временных границах предмет исследования представляется оборванным. Необходимо также отметить его фрагментарное знакомство с нормативной базой по изучаемой проблематике и поверхностное знание архивных источников. Это связано с тем, что интересующий нас период деятельности антибольшевистских правительств для Ю. П. Горелова представлялся периферийным.

Современные исследователи С. С. Ипполитов и А. А. Мышанский, не ссылаясь на публикации предшественников (в частности, Г. Х. Риппа), изучили примерно те же источники, но пришли к противоположным выводам об эффективной деятельности учреждений здравоохранения, недостатки которой они объясняли экстремальными условиями Гражданской войны. К аналогичному заключению пришла и М. В. Угрюмова на основе анализа состояния земской медицины в Тобольской губернии². Что касается уже упоминавшейся диссертации А. А. Мышанского, то и в ней принят сугубо ведомственный подход к рассмотрению вопроса о медицинском обслуживании. Автор использовал земские источники и старался показать деятельность на этом поприще только органов местного самоуправления. С. С. Ипполитов рассмотрел медицинское обслуживание населения и армии как благотворительность, что повлекло за собой явные нестыковки в исследовании. В поле его зрения попала деятельность Российского общества Красного Креста, но за пределами анализа оказалась работа важнейших государственных структур: отдела народного здоровья МВД и главного санитарного

¹ Горелов Ю. П. Сибиряки на защите отечества в войнах начала XX века. Кемерово, 2003.

² Ипполитов С. С. Российская благотворительная деятельность на территории действий белых армий и в эмиграции: дис. ... канд. ист. наук. М., 2000; Мышанский А. А. Органы местного самоуправления Сибири... С. 102–113; Угрюмова М. В. Земская медицина и земская школа в Тобольской губернии в годы Гражданской войны // Сибирский исторический журнал. Тобольск, 2004. № 1. С. 91–96.

управления Военного министерства. Тем не менее уже сейчас исследователями выявлен значительный объем фактического материала.

Отчасти восполнил образовавшийся пробел военный врач и историк Л. А. Яньшин, который посвятил небольшую статью изучению структуры военно-медицинских учреждений, включая Главное военно-санитарное управление и фронтовые учреждения Российского общества Красного Креста. Вывод автора сводится к констатации использования властью всех возможностей, а также опыта Первой мировой войны для организации военно-медицинских учреждений¹.

Другой подход, более плодотворный, использует В. А. Шаламов, исследующий работу всех учреждений здравоохранения отдельного сибирского региона — Забайкальской области. Он полагает, что при всех объективных сложностях организационного и финансового характера медицинские службы Забайкалья совершили несколько фатальных ошибок, в том числе из-за неспособности даже Г. М. Семенова, слывшего диктатором, предпринять жесткие меры установления карантина и мобилизации средств и кадров².

Более активному изучению подверглась деятельность благотворительных организаций, не только зарубежных, но и российских. Диапазон современных оценок благотворительной деятельности государств-участников интервенции раскинулся от традиционного обличительства, по духу близкого советскому (С. С. Ипполитов, Н. Г. Линчевская, Е. А. Привалова), до признания американцев единственной силой, способной оказывать помощь населению в тылу и на фронте (П. Л. Нестеренко)³.

Российские историки начали изучение миграций и государственной миграционной политики в годы Гражданской войны. Одним из первых рассмотрел тему беженства В. В. Минаев наряду с организацией медицинского обслуживания армии и населения⁴. Попутно он впервые осветил такие проблемы, как дестабилизирующее воздействие беженства и наплыва эмигран-

¹ Яньшин Л. А. К истории медицинского обеспечения войск Белого движения на востоке России (1918–1920 гг.) // Военно-медицинский журнал. 2014. № 7. С. 55–63.

² Шаламов В. А. Здравоохранение в Забайкальской области во время режима атамана Г. М. Семенова (осень 1918 — весна 1919 г.) // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 414. С. 156–166.

³ Линчевская Н. Г. Американский «Красный Крест» в Западной Сибири (1919 г.) // Проблемы историографии, источниковедения и исторического краеведения в вузовском курсе отечественной истории. Омск, 1995. С. 161–163; Нестеренко П. Л. Сибирские газеты о деятельности американского Красного Креста в годы гражданской войны // Историческая наука на рубеже веков. Томск, 1999. Т. 2. С. 215–218; Привалова Е. А. «Русский эксперимент». Комитет общественной информации и внешняя политика США (1917–1920 гг.). М., 2006.

⁴ Минаев В. В. Демографические факторы обострения экономического кризиса в годы гражданской войны (на примере Сибири и Дальнего Востока) // Гражданская война в России (1917–1922 гг.). М., 2002. С. 207–224.

тов из Китая на рынок рабочей силы в Сибири и на Дальнем Востоке. Ценно обращение автора к архивным материалам, умение обнаружить взаимосвязь различных социально-экономических процессов и явлений друг с другом. Но попытка рассмотреть в одной статье и реформы денежного обращения, и динамику потребительских цен, и регулирование продовольственного рынка, и борьбу с эпидемиями не позволила сосредоточиться на ключевых проблемах, привела к поверхностному их анализу. Переселенческую политику автор совершенно необоснованно объединяет с государственной помощью беженцам. Недоумение вызывает и формулировка темы, слабо связанная с исследуемым материалом. Спустя много лет в соавторстве с С. С. Ипполитовым В. В. Минаев опубликовал статью, структурно и по охвату научных проблем повторившую уже изданную ранее. Авторы привлекли значительный новый архивный материал, но концептуально воспроизвели ранее опубликованные выводы¹.

Оценка масштаба и динамики вынужденных миграций гражданского населения России и, в частности, ее восточных регионов в годы Гражданской войны² дана целым рядом исследователей, анализировавших проблему, как правило, в более широких хронологических рамках. Они затрагивали период Первой мировой войны в тесной взаимосвязи с последующими годами Гражданской войны и даже началом 1920-х гг. Беженство стало предметом изучения не только в общероссийском масштабе, но и в региональных, а также локальных территориальных рамках³. Очевидно, данная проблематика в последние годы становится одной из приоритетных. Исследователи сформулировали вывод о глубоком негативном влиянии вынужденных миграций на общую социальную ситуацию, но количественные оценки беженства остаются очень приблизительными.

¹ *Ипполитов С. С., Минаев В. В.* «От этого зависит вся судьба России»: к изучению демографической и экономической экспансии Китая и Японии на востоке России во время второй смуты // *Новый исторический вестник*. 2013. № 37. С. 27–45.

² *Морозова О. М., Трошина Т. И.* Тыл войны без фронта: невоюющее население в условиях Гражданской войны (1917–1920 гг.). Ростов н/Д, 2015. С. 165–179; *Нарский И. В.* Гражданская война, миграция и гуманитарная катастрофа в России 1917–1922 гг. // *Известия Урал. федер. ун-та. Сер. 2: Гуманитарные науки*. 2018. Т. 20, № 3 (178). С. 44–58; *Суржикова Н. В.* Российское общество vs российское беженство 1914–1922 гг. // *Социологические исследования*. 2017. № 9 (400). С. 88–98; *Суржикова Н. В., Михалев Н. А., Пьянков С. А.* Российское беженство: центры и периферия, процессы и структуры, индивиды и массы (1914–1922 гг.). Екатеринбург; Челябинск, 2021. С. 10–40.

³ *Щетинина А. С.* Беженцы на юге Западной Сибири 1914–1923 гг.: источники и методы изучения: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2007; *Звягин С. П.* Беженцы в сибирских городах (1918–1919 гг.) // *Хозяйственное и культурное освоение Урала и Сибири в XIX–XX вв.* Томск, 2008. С. 112–116; *Позняк Т. З.* Беженцы во Владивостоке от Первой мировой до Гражданской войны: проблемы выживания и общественного признания // *Известия Лаборатории древних технологий*. 2018. Т. 14, № 2. С. 193–205; *Сизов С. Г.* Беженцы в Белом Омске (1918–1919 гг.) // *Гражданская война в регионах России: социально-экономические, военно-политические и гуманитарные аспекты: сб. стат.* Ижевск, 2018. С. 330–342.

Близко к проблемам беженства примыкает изучение истории военного плена. Если в советской историографии рассматривалось исключительно участие военнопленных в вооруженной борьбе на стороне «белых» или «красных», одновременно как часть военной политики и как процесс этнической мобилизации, то на современном этапе анализу подвергнуты совершенно новые аспекты темы — повседневность, материальное положение, трудовое использование, режим содержания военнопленных на востоке России. Военный плен также изучается обычно в более широких хронологических рамках. Политика антибольшевистских правительств в отношении военнопленных стала важнейшей составляющей таких исследований¹. Особенностью современного этапа историографии стало то, что исследователи России в период Первой мировой войны стали рассматривать проблему в более широких хронологических рамках, затрагивая и последующие годы Гражданской войны.

Впервые историки уделили внимание усилиям антибольшевистских правительств по обеспечению социально незащищенных слоев населения. Эти усилия не ограничивались помощью беженцам. Статья томского исследователя Е. В. Лукова была первой публикацией, посвященной государственному признанию². Заслугой автора является тщательный анализ законодательных и официальных информационных источников. Е. В. Луков впервые показал, что поддержка социально обездоленных четко осознавалась лидерами антибольшевистского движения как совершенно особое направление внутренней политики. В статье обозначены основные направления государственной политики в области признания и ключевые достижения в рамках каждого из них. Но небольшой объем публикации и акцент на официальные источники не позволили автору отразить всю сложность ситуации, подчас далекую от той, что рисовала на своих страницах широко используемая им газета «Правительственный вестник». Разработку темы продолжили К. А. Тишкина, привлекая в том числе материалы сибирской прессы, С. С. Пай и ряд других авторов³. Появились и монографии, посвя-

¹ *Гергилева А. И.* Военнопленные Первой мировой войны на территории Сибири. Красноярск, 2007; *Талалин А. Н.* Военнопленные Первой мировой войны в Сибири в период Гражданской войны и репатриации // Вестник Омского университета. 2013. № 3. С. 81–83; *Суржикова Н. В.* Военный плен в российской провинции (1914–1922 гг.). М., 2014.

² *Луков Е. В.* Политика антибольшевистских правительств в области государственного признания // Жизнь в истории. К 100-летию со дня рождения И. М. Разгона. Томск, 2006. С. 182–194.

³ *Пай С. С.* Решение проблемы беженства, беспризорности и безнадзорности детей в Приморской области в 1917–1922 годах // Гражданская война и интервенция на российском Дальнем Востоке: уроки истории: материалы Второй междунар. науч. конф. Владивосток, 2012. С. 149–154; *Тишкина К. А.* Помощь возвращавшимся из плена в 1918–1920 гг. русским воинам (на примере Западной Сибири) // Человек и общество в условиях войн и революций: материалы II Всерос. науч. конф. Самара, 2015. С. 161–179; *она же.* Восстановление деятельности благотворительных организаций Западной Сибири в 1918–1919 гг. // Известия Алтайского государственного университета. 2017.

щенные истории крупных городских центров в годы Гражданской войны. В них проблемы социальной политики правительственных органов и городских властей занимают одно из центральных мест и детально проанализированы на локальном уровне¹. Процесс накопления фактического материала происходит пока без выхода на новый уровень обобщений и выводов.

Сравнительно недавно в отечественной историографии появились публикации, формулирующие в качестве исследовательской задачи изучение социальной политики государства в одном из регионов востока России, вышедших из-под контроля советской власти. Одна из них принадлежит перу В. В. Иванова и М. А. Кудинова². В третьей главе, многообещающе названной «Социальные преобразования Комуча», они рассмотрели только вопросы заработной платы поволжских учителей и открытия новых учебных заведений. Основной вывод сведен к констатации прогрессивного характера социальной политики Комуча. Очевидно, что авторы обошли молчанием большинство сюжетов, относившихся к теме, заявленной в качестве предмета анализа данной главы. Статья Н. Н. Кабытовой посвящена анализу исключительно аграрно-крестьянской политики Комуча вопреки более широкой формулировке заглавия³. С. В. Макаrchук также обозначил социальную политику Комуча как самостоятельную научную проблему, но рассмотрел лишь один сугубо источниковедческий аспект — пришел к выводу, что, судя по делопроизводственным документам Комуча, его намерения решать социальные проблемы были вполне серьезными⁴. Другим примером служит небольшая статья Е. В. Семеновой. В ней описано функционирование земских благотворительных учреждений Благовещенска в условиях острого финансового дефицита⁵. Заглавие монографии В. Т. Тормозова, Г. И. Письменского и А. Г. Письменского свидетельствует о намерении авторов рассмотреть два

№ 2 (94). С. 140–144; она же. Деятельность сибирского общества подачи помощи больным и раненым воинам в годы Первой мировой и Гражданской войн: дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2018. С. 179–225; Скажутин Д. В. Учреждения призрения города Читы в 1917–1919 гг. // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: материалы III Всерос. науч.-практ. конф. Омск, 2019. С. 227–232.

¹ Позняк Т. З. Повседневная жизнь Владивостока от Первой мировой до Гражданской войны (1914–1922): очерки истории. Владивосток, 2018; Сизов С. Г. Белая столица России: повседневная жизнь Омска (июнь 1918 — ноябрь 1919 г.). Омск, 2018.

² Иванов В. В., Кудинов М. А. «Третий путь» в социальной революции 1917–1921 гг.: проблемы социальных преобразований в годы гражданской войны. (На материалах Комитета членов Всерос. Учред. собрания). М., 2003.

³ Кабытова Н. Н. Социальная политика Комуча (1918 г.) // Известия Самарского университета. Новая серия. 2012. Т. 12. Сер.: История. Международные отношения. Вып. 4. С. 95–99.

⁴ Макаrchук С. В. Вопросы социальной и культурной политики в распорядительной документации Комуча // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусства. 2016. № 35. С. 83–90.

⁵ Семенова Е. В. Опыт дальневосточных органов местного самоуправления в решении социальных проблем в 1917–1920 гг. // Вестник Амурского госуниверситета. Сер.: Гуманитарные науки. Благовещенск, 2003. Вып. 20. С. 53–55.

направления политики Белого движения — национальную и социальную. В действительности тема исследования рассмотрена только в одном разделе из трех, но и он на поверку посвящен только национальному вопросу¹. Вопрос о мерах социальной поддержки Временным Сибирским и Российским правительствами нуждавшихся беженцев, членов семей призванных и возвращавшихся из плена военнослужащих в Енисейской губернии рассмотрели в специальной статье Т. А. Катцина и Л. Э. Мезит². Авторы вводят в научный оборот ценные сведения о реализации мер помощи населению на уровне конкретной губернии. Общая характеристика социальной политики антибольшевистских правительств дана авторами со ссылками на архивные экземпляры, хотя большинство использованных документов ранее введены в научный оборот, а многие даже опубликованы. Результат усилий современных российских историков по изучению социальной политики заключается в накоплении фактического материала по ее отдельным аспектам и в региональных территориальных рамках без четкого понимания общей структуры социальной политики и места в ней исследованной проблемы.

Подводя итог, отметим, что нацеленность на активное изучение отдельных направлений социальной политики антибольшевистских правительств обнаружилась еще в начале 1920-х гг. Тогда были заложены основные подходы, сформированы оценки, долгое время казавшиеся бесспорными. В 1950–1980-е гг. расширилась источниковая база исследований, но они сохранили прежнюю методологию, неизменной осталась и приоритетная тематика. Постсоветская отечественная историография в значительной мере испытывает давление сформировавшихся ранее штампов. Несмотря на это, за последние полтора десятилетия существенно расширилась тематика исследований, авторы стали активнее обращаться к документации антибольшевистских органов власти и управления, действовавших на территории востока России политических и общественных организаций, шире использовать материалы периодической печати. Эмигрантская и зарубежная историография практически не содержит оригинальных исследований о социальной политике в целом и ее отдельных аспектах, являясь вторичными по отношению к советской и современной российской историографии.

В последние годы зародилось робкое стремление анализировать социальную политику как особую сферу деятельности государственных органов

¹ *Тормозов В. Т., Письменский Г. И., Письменский А. Г.* Гражданская война и белое движение: вопросы национальной и социальной политики. М., 2013. Социальная политика фигурирует в заглавии только одной главы книги из девяти — Раздел III. Глава 2. «Деятельность Комуча и Директории в национальной и социальной сфере» (с. 393–413). Но и в этой главе весь текст связан исключительно с национальными движениями на востоке России.

² *Катцина Т. А., Мезит Л. Э.* Меры социальной помощи населению Енисейской губернии антибольшевистскими правительствами (июнь 1918 — декабрь 1919 г.) // Известия Урал. федер. ун-та. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2018. Т. 20, № 4. С. 78–91.

в антибольшевистский период. Но те, кто ставил перед собой такую задачу, имели приблизительное представление о реальной структуре исследуемых научных проблем, о масштабах источниковой базы, которой обеспечена данная тема. В существующих публикациях претензии авторов на обобщающий анализ социальной политики антибольшевистских правительств или даже ее сравнение с советской социальной политикой не подкреплены анализом соответствующего материала¹. Даже нормативная документация о социальной политике и ее отдельных направлениях привлекалась большинством авторов крайне фрагментарно, главным образом путем выявления отдельных архивных копий нормативно-правовых актов. Между тем достаточно полное знакомство с законодательными источниками является начальной стадией любого исследования.

Ряд ключевых проблем социальной политики антибольшевистских правительств остался не только не решенным, но даже сама задача их изучения в историографии не была поставлена. Именно так обстоят дела с социальными выплатами, индивидуальными и коллективными социальными трансфертами; общими закономерностями, региональными и профессиональными особенностями оплаты труда рабочих и служащих и государственными мерами по регулированию этой сферы. Отсутствует сравнительный анализ мер различных органов власти в области мобилизации труда. В научной литературе не сформировалось представление о структуре и основных направлениях социальной политики антибольшевистских правительств.

Следует отметить крайнюю неравномерность изучения социальной политики антибольшевистских правительств. Наибольшее внимание уделено деятельности Временного Сибирского и Российского правительств. В результате применительно к Сибири многие сюжеты изучались давно и продолжают постоянно фигурировать в новейших публикациях. В значительно меньшей степени проанализирована ситуация на Урале и в Поволжье. Причем многие авторы при освещении действий властей этих регионов не выходят за рамки советской парадигмы. Применительно к Забайкалью и Дальнему Востоку в 1920–1922 гг. вопрос о социальной политике антибольшевистских правительств в историографии пока даже не ставился.

Многочисленные обобщающие исследования по истории Гражданской войны в России постоянно возвращаются к вопросу о причинах победы большевиков и поражения их противников, социальной цене и издержках противоборства «красных» и «белых». Большинство авторов концентрируются на проблемах политической борьбы в верхах большевистского руко-

¹ *Фельдман М. А.* К вопросу о социальной политике...

водства или «белого» генералитета, репрессивных действиях по отношению к политическим противникам и населению. Однако стоящие перед государственной властью задачи не сводились только к обеспечению военной победы над противником и формированию для этого социальной опоры власти. Наряду с данной целью существовала необходимость сохранения социума, оказавшегося перед угрозой вымирания от голода, эпидемий, репрессий. В какой-то степени параллельное решение этих задач консолидировало власть и общество, усилило их единство. Но, с другой стороны, отвлечение сил и средств на решение социальных проблем несло демобилизующий характер, снижало степень концентрации ресурсов на решение военных проблем.

Каждый из противоборствующих режимов стремился найти оптимальный баланс военно-мобилизационных и социально-реабилитационных мероприятий. Эта задача решалась именно на уровне выработки и реализации социальной политики. Следовательно, на ее изучении необходимо сконцентрировать усилия исследователей. Это правомерно не только по отношению к политическим режимам, руководители которых осознавали значимость социальной политики и воспринимали ее как самостоятельное направление своей деятельности. Отсутствие активной социальной политики также должно стать предметом специального анализа. Только в этом случае можно выйти на уровень сравнения характера взаимодействия власти и общества в противоборствовавших лагерях в целом и на уровне отдельных регионов.

1.2. Теоретические основы исследования

Конкретно-исторический характер исследования предполагает опору на исторические методы, но его цель задает их специфическое преломление, а также использование инструментария смежных общественных наук: правоведения, социологии, политологии и экономики.

Термин «социальная политика» широко используется в практике, употребляется в научных исследованиях и официальных документах, но в то же время давно идет широкая научная дискуссия об объеме и содержании этого понятия. Как пишет В. Н. Яворская, «на системном уровне это понятие до сих пор не концептуализировано»¹. С одной стороны, со времен Древнего Египта и Вавилона в истории человечества не существовало ни одного государства, которое бы не проводило социальную политику. Не если как практика она воплощает в себе многотысячелетний опыт человечества, то как теоретическая доктрина она зародилась совсем недавно². Причем в по-

¹ Яворская В. Н. Социальная политика, социальное государство и социальный менеджмент: проблемы анализа // Журнал исследований социальной политики. 2003. Т. 1, № 1. С. 18.

² См. подробнее: Голубева Л. Ф. История развития системы социальной политики в обществе // Социально-экономические системы и процессы. 2014. Т. 9, № 11. С. 39–40.

Содержание

Введение	5
Глава I. Проблемы изучения: историография, методология, источники	18
1.1. От современников до современности: эволюция историографии	18
1.2. Теоретические основы исследования	56
1.3. Источниковая база и источниковедческий инструментарий	78
Глава II. Гражданская война на востоке России: пространство, институты, акторы социальной политики	109
2.1. Политическое пространство Гражданской войны	110
2.2. Органы управления социальной политикой	143
2.3. Социальная география: восток России в условиях Гражданской войны	152
2.4. Выражения социальных интересов общества: институты и акторы	166
Глава III. «Священная корова»: юридические права и социальные обязательства собственников	191
3.1. Поиск механизмов защиты имущественных прав	192
3.2. На извилистой дороге: восстановление прав собственников	220
3.3. Чрезвычайщина Гражданской войны: объективные и субъективные ограничения прав владения и распоряжения	279
Глава IV. Заработная плата как объект государственного регулирования	335
4.1. Оплата труда гражданских служащих	336
4.2. Материальное обеспечение военнослужащих	385
4.3. На эти деньги невозможно существовать: заработная плата пролетариев	404
4.4. Адаптивные стратегии государства и практики населения	426
Глава V. Социальные обязательства государства перед трудящимися: теория и практика	447
5.1. Социальное обеспечение	448
5.2. Социальное страхование	493
Глава VI. Социально-трудовые отношения: конфликты и опыты социального партнерства	522
6.1. Поиск организационных форм	523
6.2. Регулирование рынка труда	558
6.3. Интенсивность труда: взгляд работника и работодателя	613
Глава VII. В тисках гуманитарной катастрофы: партнерство власти и общества в противодействии социальным бедствиям	647

7.1. Государственное регулирование призрения и благотворительности	648
7.2. Взаимодействие государства, органов местного самоуправления и общественных организаций в сфере здравоохранения	684
7.3. Помощь беженцам	726
Глава VIII. Утопия на фоне катастрофы: социальные основания культурной политики	786
8.1. Народная школа: государственные и общественные приоритеты	787
8.2. Профессиональное и высшее образование: инвестиции в будущее или сохранение настоящего	818
8.3. Пропаганда, просвещение и наука: во имя победы или вопреки?.....	840
Заключение	867
Приложения	
Приложение 1. Динамика смены власти в городах на востоке России (май 1918 — октябрь 1922)	880
Приложение 2. Периодическая печать на востоке России летом 1918 — осенью 1922 г. (антибольшевистский лагерь)	888
Список сокращений	957
Список источников и литературы	958
Именной указатель	1030
Географический указатель	1033